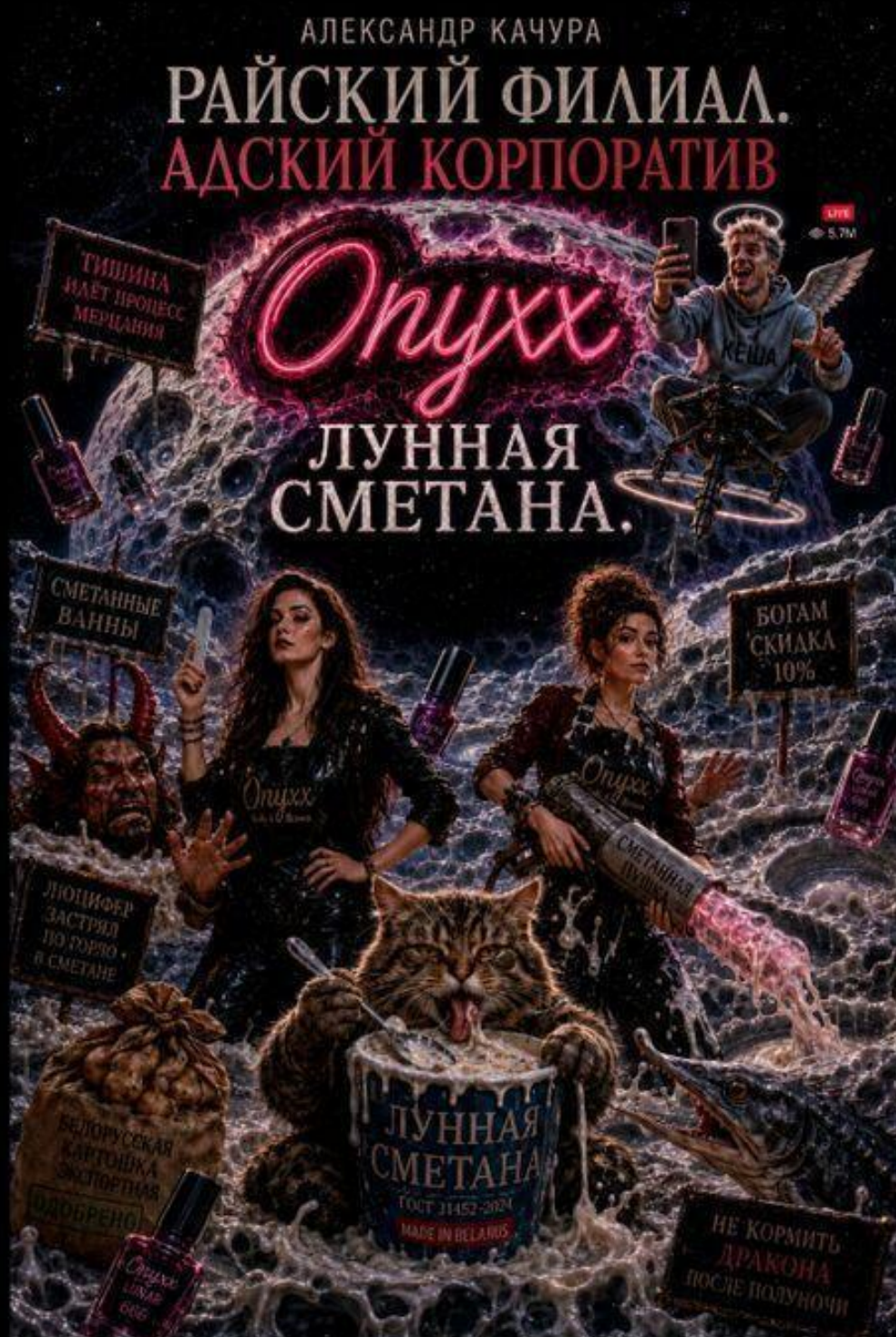

18+

Александр Качура

**Райский филиал. Адский
корпоратив. Лунная сметана**

«Издательские решения»

Качура А.

Райский филиал. Адский корпоратив. Лунная сметана /
А. Качура — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Кристина делает маникюр богам. Тома клеит ресницы
лунатикам. Всё шло к абсурдному балансу, пока налоговая не прилетела.
Лариса Петровна в скафандре и платке выписала штраф — 47 банок сметаны.
Икра в депрессии. Чайник молчит. Херувимы бастуют. Справятся ли королева
вампиров и высшая ведьма? Картошка не врёт.

© Качура А.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1. Луна встречает не хлебом-солью	22
ГЛАВА 3. Сумеречная зона	34
ГЛАВА 4. Посвящение	41
ГЛАВА 5. Испытания Люцифера	52
Вызов	52
Люцифер сажает картошку	55
Примирение	57
ГЛАВА 6. Картофельный бум	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Райский филиал. Адский корпоратив. Лунная сметана

Александр Качура

© Александр Качура, 2026

ISBN 978-5-0070-4149-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**РАЙСКИЙ ФИЛИАЛ. АДСКИЙ КОРПОРАТИВ.
ЛУННАЯ СМЕТАНА.**

ПРОЛОГ

Салон на обратной стороне Луны.

Запах был первым, что понял Кеша. Запах кислой сметаны, дешёвого лака и лунной пыли, которая смешалась с чьей-то безнадегой и отчаянием в консистенции густого киселя. Салон «Опух» на обратной стороне Луны располагался в кратере, чьи стены были облеплены гирляндами, мигающими в ритме аритмичного пульса больного сердца. Розовая вывеска горела неровно — буква «Х» висела вверх ногами, словно пыталась рассмотреть сама себя, осталась недовольна и теперь просто ждала, когда её добьют метеоритом, чтобы не мучиться.

Из-за барахлящего лунного генератора гравитации законы физики здесь работали через пень-колоду, а потом падали лицом в реголит и делали вид, что так и было задумано. Палитра с лаками не стояла на полке, а лениво дрейфовала под потолком, как косяк разноцветных и очень токсичных рыб, сбившихся с миграционного пути. Один флакон, не выдержав унижительного зависания, с тихим всхлипом отклеился от стаи и улетел в открытый космос через трещину в стене.

Кеша поправил крылья. Ангел среднего звена, не слишком важный, чтобы иметь личного секретаря, но достаточно известный, чтобы его узнавали в очередях за хлебом в Чистилище. Два миллиона подписчиков в тик-токе, где он снимал всё: утреннюю молитву, чистку перьев, редкие моменты, когда райская скука отступала перед чем-то более или менее достойным внимания, например перед тем, как у херувима отвалилась пилочка для ногтей. От резкого взмаха крыльев с Кеши полетела золотистая перхоть святого нимба. Она красиво заискрилась в малиновом свете и послушно спикировала в стоявшую на стойке открытую банку сметаны, где утонула в серой массе, даже не успев испугаться.

Кеша толкнул дверь. Ручка была липкой, как совесть клиента, который забыл заплатить за маникюр и теперь делает вид, что его не существует.

Внутри царило запустение. Кресла стояли под углом к стенам, как будто стеснялись собственного существования и надеялись, что никто их не заметит. Зеркала в трещинах — ни одно не отражало нормально, зато каждое увеличивало комплексы в четыре раза. Свет тусклый, болезненно-малиновый — даже не розовый, а какой-то дохлый, из последних сил пытающийся казаться праздничным, как ёлка, которую не убрали после третьего января, и она уже покрылась плесенью надежды. На стойке, помимо банки со сметаной, лежал синий пластиковый сачок для ловли сбежавших лаков. Сама сметана по консистенции напоминала творог, который три дня угрожал уйти в отставку, но его не отпускали, потому что заменить было нечем, а старые кадры держатся мёртвой хваткой. Почувствовав чужое присутствие, сметанная масса под действием слабой гравитации попыталась медленно выползти из банки единым склизким организмом, но безуспешно — сил хватило только на то, чтобы жалобно булькнуть.

— Есть кто? — позвал Кеша.

Голос утонул в тишине, как камень в болоте. Без надежды на всплеск. Без надежды на эхо. Без надежды даже на то, что его услышит хоть одна рыба. Радио в углу тихонько зашипело, поймав сквозь космические помехи кусок рекламы минских окон ПВХ: «Мы знаем, чего вы хотите от окна. И мы дадим вам это. Окна Немига — пластик на века». Реклама смолкла так же внезапно, как и началась, оставив после себя чувство необъяснимой тоски по дому, которого никогда не было.

Из подсобки вышла Лилит.

Она была суккубой. В теории — очаровательной, опасной, способной соблазнить любого грешника одним взглядом. На практике — с кривыми руками, отёкшим лицом и взглядом человека, который уже знает свой приговор, но всё ещё надеется на апелляцию в Высшем Суде, куда не принимают документы без нотариального заверения. Её глаза были красными — не

от вампирской природы, а от бессонницы, страха и лунного регенератора воздуха, который вместо кислорода иногда выдавал запах жареной картошки и чужого сожаления.

Фартук Лилит был в засохшей сметане. Не в пятнах — в целых слоях. Похоже, она не снимала его с момента открытия салона, и теперь сметана держалась на нём как панцирь, защищая от суровой реальности. Волосы собраны в пучок, который рассыпался на глазах, как потерпевший кораблекрушение плот. На левой руке, на фаланге указательного пальца — одна-единственная ресница, намертво приклеенная суперклеем «Момент-Космос». Словно Лилит хотела украсить палец, сдалась на середине, а теперь эта ресница жила своей жизнью и периодически испуганно моргала, когда кто-то слишком громко говорил.

— Вы по записи? — спросила Лилит.

Голос её был похож на звук несмазанной телеги, которую заставляют ехать в гору. В гору на Каменной Горке. В сильный гололёд. Против ветра. С проколотым колесом. И с грузом потерянных надежд в кузове. Она говорила так, будто каждое слово отдирала от ржавых петель.

Кеша не слушал. Он уже доставал телефон.

Летающий штатив-нимб с жужжанием взлетел над его головой, едва не сбив дрейфующий в воздухе флакончик с топом без липкого слоя. Нимб-штатив был новым — подарок от подписчиков. Он умел поворачиваться на 360 градусов, ловить идеальный ракурс и иногда, когда Кеша забывал его отключить, транслировал его сны в открытый доступ. Сегодня он был настроен боевито.

Кеша навёл камеру на её лицо, на кривые руки, на банку с кислой сметаной и святой перхотью, на вывеску с логотипом «Опух», который был украден у настоящего салона с таким топорным небрежением, что буква «Х» даже не пыталась держаться прямо. Она висела на соплях, на синей изолянте и на чистом упрямстве, как всё в этом салоне.

— Друзья, — зашептал Кеша в объектив, переходя на доверительный тик-токовый шёпот, которым говорят только перед тем, как обрушить чью-то репутацию, довести владельца бизнеса до инфаркта, а заодно случайно разрушить три карьеры и одну надежду на лучшее будущее. — Я тут, на обратной стороне Луны. Говорят, здесь классный салон. Сейчас проверим этот люкс. Вы не поверите, но я записывался за три недели.

Он улыбнулся в камеру. Улыбка была такой же фальшивой, как розовый свет над входом. Фальшивее даже — как обещание налогового инспектора, что он зайдёт «на пять минут».

Лилит смотрела на него. На телефон. На свою единственную моргающую ресницу на пальце. И молчала.

Она знала, что сейчас произойдёт. Она знала это с того момента, как открыла этот салон три месяца назад, надеясь доказать всем — и себе в первую очередь, — что она может быть как Кристина. Что кривые руки — не приговор. Что неудачи в школе «Опух» — просто этап. Что можно вырасти, исправиться, стать лучше.

Но этап затянулся. Перерос в хроническое. Перерос в космическое болото. Перерос в то, что теперь из этого болота не вылезти без помощи падшего ангела, вампирской королевы и кота, который считает себя генеральным директором.

И теперь в этом болоте утонет не только она, но и весь франчайзинг преисподней. Вместе с вывеской. Вместе с розовым светом. Вместе с надеждой, которая давно собрала вещи и улетела первым же рейсом до Минска.

Кеша щёлкнул запись. Красная точка загорелась. Нимб-штатив выдал победный писк, похожий на звук микроволновки, закончившей разогревать чужую мечту.

— Начинаем, — сказал он. Голос звучал весело. Слишком весело.

Лилит закрыла глаза на секунду. Открыла. Схватила с прилавка ложку, шлёпнула выполняющую из банки сметану сверху, как нашкодившего кота.

— Место! — тихо пригрозила она кисломолочной массе.

Сметана замерла. Хотя, скорее всего, ей просто стало лень.

Лилит повернулась к клиенту. Надела на лицо улыбку. Улыбка треснула по краям, как старая штукатурка.

— Садитесь, — сказала она. Голос стал чуть громче, но не увереннее. — Что будете делать?

— Всё, — ответил Кеша, вальяжно раскидывая крылья. Перхоть снова полетела. Ещё пара золотинок упала прямо в открытый рот Лилит. Она сглотнула и сделала вид, что так и надо. — Маникюр. Ресницы. Сметану. Всё, что вы умеете. Покажите класс.

— Я много чего умею, — тихо сказала Лилит. В этом «многом чего» слышалось и отчаяние, и гордость, и тоска по несбывшемуся.

— Тогда покажите.

Кеша сел в кресло. Крылья он так и не сложил, поэтому теперь торчали в стороны, как у подбитого самолёта.

Кресло под ним издало свистящий звук, похожий на вздох пациента, которому в бесплатной поликлинике сказали, что страховка не покрывает анестезию, а стоматолог сегодня принимает без настроения и вообще ушёл на обед. Кресло явно было старше лунного грунта и помнило ещё советскую космическую программу.

Лилит полезла под стойку. Долго гремела, что-то ругала шёпотом, чертыхалась на древнем языке. Наконец с грохотом вытащила инструмент.

Это была не обычная пилочка.

Это был ржавый лунный рашпиль для зачистки обшивки космических кораблей, наспех обмотанный розовой изолентой для создания быюти-эстетики. Изолента уже отклеивалась по краям, обнажая зубастую, страшную поверхность. Лилит держала рашпиль так, будто это был меч, которым она собиралась защищать свою честь. Или просто не знала, куда его деть.

Руки суккубы дрожали так сильно, что рашпиль в её пальцах создавал ультразвуковые колебания. Из-за этих вибраций нимб Кеши съехал набок и внезапно начал громко ловить радио «Рокс». Из динамиков штатива понеслось: «Би-2» с припевом про полосатые велосипеды. Кеша попытался сбить настройку, но нимб его не слушался — он поймал волну и не собирался отпускать.

— Ручки расслабляем, молодой человек, — испуганно соврала Лилит, заноса рашпиль над ангельским пальцем. — Сейчас сделаем форму. Будет больно. Но красиво. Очень красиво. Я обещаю.

Она говорила так уверенно, как будто сама в это верила. На самом деле она не верила ни во что, кроме того, что через десять минут её жизнь закончится, а через час начнётся новая жизнь — в тик-токе, под миллионами просмотров, с хэштегом #позор.

— Называется «острый космос», — добавила она для убедительности.

Кеша кивнул. Крылья его подрагивали в предвкушении. Или в страхе. Или от радио «Рокс», которое переключилось на «Агату Кристи».

Лилит сделала первое движение.

Раздался оглушительный скрежет, похожий на то, как если бы поезд метро резко затормозил на рельсах Каменной Горки, а вслед за ним по тем же рельсам пустили трактор с косилкой. Из-за статического электричества, порождённого трением рашпиля о ноготь, нимб Кеши мгновенно полыхнул синим пламенем. Запахло палёными перьями и святой паникой.

Кеша открыл рот, чтобы закричать.

Но радио переключилось на рекламу.

«Окна Немига — мы знаем, чего вы боитесь. И мы дадим вам это».

Красная точка на телефоне Кеши горела. Запись шла.

Лилит не остановилась. Она пилила дальше. Потому что если всё равно конец, то хотя бы с музыкой.

Идеальный шторм

Радио наконец переключилось с «Агаты Кристи» на помехи, и нимб Кеши перестал дымиться. Но осадок остался. Буквально — золотистый пепел от святых перьев медленно оседал на плечи Лилит, смешиваясь со сметанными разводами на фартуке. Суккуба выглядела так, будто её только что эксгумировали, забыли зарегистрировать и сразу выставили на двенадцатичасовую смену без обеда.

Она пилила.

Рашпиль для космических кораблей со скрежетом вгрызался в ноготь Кеши. Ангел сидел с закрытыми глазами и молился. Не официальной, чинной райской молитвой, а той самой, панической, которой молятся в кресле бесплатного стоматолога перед тем, как тебе удалят нерв вместе с челюстью и верой в человечество.

— Терпите, — сказала Лилит. Голос её звучал как у полевого хирурга, который понял, что забыл скальпель в другой галактике и теперь пытается сделать трепанацию черепа десертной ложкой. — Красота требует жертв.

— Моих? — прошептал Кеша.

— Жертв вообще. Космос заберёт всё.

Она закончила с формой. Ноготь ангела теперь напоминал не «острый космос», а скорее «укус бешеной крысы» — неровный, зазубренный, с одной стороны вызывающе длиннее другой. Лилит посмотрела на результат. Замерла на три секунды. И прагматично решила, что это теперь не баг, а фича. «Адский френч», мысленно переименовала она этот ужас. «С эффектом экзистенциальной несправедливости».

— Теперь база, — объявила она и потянулась за гель-лаком.

Банка была подписана от руки: «Адский блеск №3». Фломастер умирал в конвульсиях, поэтому цифра «3» больше напоминала змею, которая съела свой хвост и теперь горько жалеет о содеянном. Лилит скрутила крышку.

Запах ударил такой ядовитой химией, что Кеша резко открыл глаза, а дрейфующие под потолком флаконы начали падать в обморок.

— Что это? — спросил он, пытаясь дышать исключительно через уши.

— Фирменный аромат, — безбожно соврала Лилит. — Розовый. С нотами личной ответственности и подгоревшего кедра.

— Пахнет укусом и грехом.

— Укус — основа долголетия. На Каменной Горке все долго живут.

Лилит макнула кисть в банку. Кисть была древняя, с торчащими во все стороны ворсинками, напоминавшая причёску человека, который только что проснулся после трёх суток внутри сломанного телепорта. Она нанесла лак.

Лёг неровно. Яростными полосами. Как зебра после нервного срыва.

Лилит попыталась исправить. Провела кистью ещё раз. Стало хуже. Ещё раз — лак обиделся и начал пузыриться. На поверхности ногтя вздулись маленькие, глянцевые, злые пузырьки. Они росли на глазах, как инопланетная зараза.

— Это... пузыри, — констатировал Кеша.

— Это объём, — мгновенно нашлась Лилит. — Новейший 3D-дизайн. Адская текстура «кипение лавы».

— А почему они лопаются?

— Потому что это тактильный опыт. Интерактивный.

Один пузырь лопнул со звуком миниатюрного взрыва. На пальце Кеши осталась маленькая, липкая, зловонная ямка. Лилит невозмутимо заглянула в неё:

— О, смотрите, отсюда прямо ядро Луны видно. Эксклюзив.

— Ладно, — Кеша тяжело сглотнул. — Делайте ресницы. Может, с ресницами повезёт.

Лилит судорожно кивнула. Она взяла пинцет. Пинцет был трагически сломан: одна половинка смотрела строго вверх, на Рай, другая — вниз, в Преисподнюю.

Она выбрала пучок ресниц. Самый дешёвый. Из тех, что продаются в переходе на Немиге у тёти Зины, которая клянётся, что они из натурального белорусского бобра. Лилит макнула пучок в клей — старый, закоксовавшийся, пахнувший ацетоном и крахом надежд.

Она поднесла пинцет к веку Кеша. Ангел зажмурился.

Лилит приложила пучок. Нажала. Отпустила.

Ресница приклеилась поперёк естественных, намертво заблокировав правый глаз. Кеша моргнул. Ресница не шелохнулась. Теперь она напоминала железный шлагбаум, который опустили и забыли пароль.

— Я... — начал Кеша. — Я ничего не вижу справа. Там тьма.

— Это эффект глубокой художественной задумки, — быстро затараторила Лилит. — Вы смотрите внутрь себя. В чертоги разума. Очень модно.

— Я в Минске не был.

— Тем более. Для первого знакомства — идеально.

Лилит потянулась за вторым пучком.

— Не надо... — слабо пискнул Кеша, но суккубу было уже не остановить.

Второй пучок приклеился ещё кривее. Теперь Кеша напоминал персонажа мультфильма, у которого аниматор ушёл в запой. Брововые ресницы начали тихонько шуршать и, кажется, требовать построить плотину у него на переносице.

— Сметану, — прошептал Кеша, теряя волю к жизни. — Дайте мне вашу сметану.

Лилит открыла банку. Сметана была серой. Не нежно-розовой, как на баннерах «Опух». Серая. С комками, напоминающими тектонические плиты, и фиолетовыми прожилками, похожими на кровеносные сосуды. Из глубин банки доносился слабый звук «уууу» — словно там разлагалась чья-то школьная мечта.

Кеша макнул палец. Вынул. На пальце повис серый, густой, подозрительно тёплый лоскут сметаны. Масса сделала слабую попытку пожать фалангу в знак приветствия.

Он лизнул. С закрытыми глазами. Надеясь, что это кома. Что нимб закоротит и вырубит сознание.

Нимб не закоротил.

Сметана была кислой. Кислее, чем лицо Ларисы Петровны из налоговой. Кислее, чем комментарии хейтеров. Кислее, чем обида павшего ангела, у которого отобрали пожизненную скидку на драники.

Кеша открыл левый глаз. Его лицо сделало то, чего не делало за миллионы подписчиков. Оно полностью потеряло способность лгать. От дикой кислинки крылья с сухим щелчком вывернулись в обратную сторону, а нимб начал транслировать белый шум и титры.

— Я блогер, — сказал Кеша. Голос его был пуст, как выпотрошенный марсоход.

— Понимаю, — прошептала Лилит, уставясь в пол.

— С двумя миллионами подписчиков.

— Понимаю.

— Ты понимаешь, что начнётся, когда я выложу это видео?

Лилит подняла глаза. В них не было паники. Не было слёз. Была усталость. Такая древняя и тяжёлая, что даже ангел со своим миллионным блогом показался себе мелким. Смирение, которое приходит, когда перестаёшь бежать от факта: твои руки растут из тазобедренного сустава, и сейчас твой карточный домик рушится вместе с франшизой.

— Знаю, — тихо сказала Лилит. — Это будет заслуженно.

Кеша встал. Кресло издало финальный вздох облегчения. Ангел не заплатил. Не попросился. Он просто рванул к выходу, хлопнув дверью с такой силой, что буква «Х» на розовой вывеске оторвалась, сделала прощальное сальто и улетела в открытый вакуум — вслед за убежавшим флаконом лака.

Кеша на ходу поднял телефон. Красная точка горела. Нимб-штатив записал всё: и дегустацию живой сметаны, и шуршание бобровых ресниц, и вывернутые крылья.

Он выключил запись. Посмотрел на холодный лунный кратер. На изуродованную вывеску «Опу...». И выбрал себя. Как и положено успешному инфлюенсеру.

Лилит осталась одна. Она опустила взгляд на свои дрожащие кривые пальцы. На фартук, испачканный серой массой и святым пеплом. На потолок, где больше ничего не летало — только пыль, пустота и тишина.

На стойке радио в последний раз чихнуло и чисто заиграло «Владивосток 2000». Кто-то на космических частотах явно обладал извращённым чувством юмора.

Лилит опустилась в кресло, которое ещё хранило тепло ангельского гнева. Посмотрела в треснувшее зеркало на своё отражение, разрезанное на три части.

— Прости, Кристина, — прошептала она в пустоту.

Пустота не ответила. Она умела ждать миллионы лет.

Лилит закрыла глаза.

А видео Кеши уже летело по серверам. Прямоком в Тик-Ток. Прямоком в адский мессенджер Люцифера. На телефоне Кеши одно за другим защёлкали уведомления — первые просмотры, первые лайки, первый комментарий: «Падший с кислой сметаной, где ты?»

История, которую никто не заказывал, официально началась.

Как взрывается интернет

Видео вышло через три часа.

Кеша назвал его просто, со зловещим минимализмом профессионального киллера репутаций: «Не ходите в этот салон». Без восклицательных знаков. Без эмодзи. Без намёка на сенсацию. Это была та самая страшная тик-токовская тишина, когда автор настолько уверен в ядерной мощности своего материала, что ему не нужны дешёвые уловки вроде неоновых стрелочек и кричащих заголовков.

Он смонтировал всё за полтора часа — абсолютный рекорд для его ленивой ангельской натуры. Обычно он тратил на монтаж в три раза больше времени, тщательно выстраивая свет, паузы и высчитывая тайминг драматического вздоха. Но здесь драматургия лежала на поверхности, как серый комок кровеносной сметаны в открытой банке. Он просто вырезал самые длинные паузы, добавил субтитры для самых бредовых реплик суккубы и вклеил в середину три секунды макросъёмки своего вывернутого наизнанку крыла. Под грустную скрипку. Для атмосферы.

Перед публикацией Кеша посмотрел видео целиком. Два раза. Первый раз — как хладнокровный редактор, проверяя тайминг и качество звука лопающихся пузырей. Второй раз — как живой зритель, проверяя, не слишком ли это жестоко для быти-индустрии преисподней.

На секунду мелькнула слабая, трусливая мысль: «А может, не надо? Пожалеть девчонку?»

Но тут он вспомнил вкус сметаны. Серой, тёплой, пульсирующей у него на языке, словно она пыталась завязать с ним долгие, но несчастливые отношения. Вспомнил, как его нимб начал транслировать белый шум и титры, а бобровые ресницы зашуршали, требуя построить плотину прямо на переносице.

Мысль испарилась. Жалость — тоже.

Он решительно нажал кнопку «Опубликовать». Красная полоска загрузки хищно поползла вправо. Пропал значок ожидания. Видео со свистом улетело во всемирную ленту рекомендаций.

Кеша отложил телефон. Взял кружку с давно остывшим чаем. Сделал глоток. Чай был горьким и смутно напоминал жидкое лекарство от остатков совести.

— Прости, — сказал он пустой комнате.

Пустая комната не ответила. В отличие от сырой лунной пустоты, райская пустота была пятизвёздочной, уютной и умела прощать грехи по подписке. Но Кеша всё равно не был уверен, что заслуживает этого прощения. Он закрыл глаза. Уснуть не получилось.

За первые двадцать минут видео набрало полмиллиона просмотров.

Скорость была бешеной даже по меркам Кеши, у которого и так каждый ролик уходил в топ. Но это было не просто попадание в рекомендации. Это был цифровой шторм. Алгоритмы Тик-Тока, почуяв запах отборного трэша, жареной картошки и бобров, сошли с ума, распознали в ролике планетарный скандал и понесли его по лентам пользователей со скоростью райского экспресса, идущего без остановок.

Он открыл комментарии через полчаса. Их было уже три тысячи. Пролистал первые десять — и в ужасе закрыл приложение.

«Я там была, девчонки, это реальный морг! Лаки падают в обморок прямо при тебе!»

«Жалкая подделка под настоящий Онух на Каменной Горке!»

«Срочно зовите Люцифера, тут франшизу позорят!»

«#OnyxGate»

«Сметана выглядит так, будто этот творог пережил три адских инспекции и одну гражданскую войну».

«Бобровые ресницы — это топ! А бобёр в комплекте идёт или его надо отдельно кормить?»

«У мастера руки явно растут из тазобедренного сустава».

Кеша тяжело выдохнул. Знал, что будет больно. Не ожидал, что больно будет ему самому. Не за Лилит — за себя. За то, что он, ангел света, стал тем, кто так профессионально и красиво разрушает чужую маленькую жизнь ради просмотров.

Он снова открыл комментарии, пролистал глубоко вниз, в самую тину. Нашёл один, написанный маленьким аккаунтом без аватарки: «А может, у девушки просто плохой день? Все мы ошибаемся, зачем так топить её...»

Кеша молча лайкнул его. Единственный лайк за весь вечер. Потом снова заблокировал телефон.

Через час видео набрало два миллиона.

Тик-Ток натурально кипел. Хэштег #OnyxGate железно поднялся в тройку мировых трендов, бесцеремонно потеснив утреннюю молитву популярного серафима и челлендж с синхронно танцующими херувимами. Ангелы яростно спорили с чертями в комментариях, черти — с лунатиками, лунатики — с ангелами, а те грешники, кто не мог определиться с фракцией, просто ставили эмодзи огонечков и запасались попкорном в ожидании конца света.

К полуночи появился первый мем.

Он назывался «Падший с кислой сметаной». Высококачественный фотошоп портрета Люцифера, наложенный на банку серого просроченного кефира. В глазах Владыки Преисподней полыхала фиолетовая вспышка праведного гнева, а внизу красовалась подпись: «Когда твоя личная скидка на драники под угрозой».

Мем перепостили пять тысяч раз за первые десять минут. К утру он торчал из каждого утюга — от официальных райских корпоративных аккаунтов до унылых чистилищных пабликов с подборками депрессивных цитат для грешников.

Кеша безвольно лежал на кровати, уставившись в золотой потолок. Телефон на тумбочке вибрировал непрерывно, судорожно, словно у него начался припадок.

Он не брал трубку. Не отвечал в директ. Не читал новые комментарии. Он просто лежал и высчитывал, что завтра утром у него будет пять миллионов просмотров, сто тысяч новых

подписчиков и, скорее всего, персональное вечное проклятие от одного из самых влиятельных и мстительных существ во Вселенной. А ещё мама увидит. Мама всегда смотрела его ролики.

— Лучше бы я просто подстригся в Раю, — глухо прошептал он в подушку.

Подушка не ответила. Подушка была стандартной райской, набитой пухом праведных гусей и привыкшей к чужим экзистенциальным слезам.

Через четыре часа Тик-Ток Кеши превратился в зону боевых действий.

Аккаунты высших ангелов и низших бесов перемешались, образуя дикий коктейль из проклятий, цитат из писаний и коммерческих предложений купить рекламу крипто-кошельков. Кто-то требовал сжечь лунный салон. Кто-то доказывал, что бренд «Опух» чист, а это всё происки конкурентов.

Один комментарий особенно глубоко засел в голове у Кеши. Написанный ангелом с ником @prosto_Sereja, он гласил:

«Слушай, блогер. Настоящий Опух в Минске на Каменной Горке. Там нормальная сметана, а не этот радиоактивный шлак. Я лично три банки под селёдку умял. Тебе бы туда сгонять, поучиться».

Кеша промолчал. Даже не лайкнул. Но странное словосочетание «Каменная Горка, Минск» намертво засело в его ангельской голове, как ржавая заноза. Он не знал, зачем ему эта географическая точка, но предчувствовал: его крылья её ещё навестят.

А потом пришло сообщение от Люцифера.

Не в Тик-Токе. В личный, глубоко засекреченный мессенджер, номер которого Кеша давал только крупным спонсорам и паре демонов, с которыми случайно напивался на межфракционных вечеринках.

Сообщение было коротким. Без приветствий. Без эмодзи.

«Ты понимаешь, что ты натворил?»

Кеша тупо смотрел на экран пять минут, чувствуя, как по спине ползёт липкий пот. Потом дрожащими пальцами набрал ответ: «Я просто показал правду. Про контент».

Через тридцать секунд экран моргнул снова:

«Правда не имеет отчества. А я имею. И у меня из-за твоего видео отбирают корпоративную скидку в кафе. Жди гостей, пернатый».

Кеша так и не понял, при чём тут скидка и какое-то кафе. Уточнять не стал. Просто заблокировал диалог и выключил телефон к чертям. В этот раз — окончательно.

Он лежал в абсолютной темноте. В элитных райских квартирах не делали окон — зачем, если за стенами круглосуточно струится навязчивый золотой свет? Но сегодня этот свет пробивался сквозь щели двери слишком ярко, слишком обвиняюще. Словно работал прожектором на допросе.

Ангел бесконечно прокручивал в голове видео. Каждую секунду. Каждый звук. Скрежет космического рашпиля. Шипение лаковых пузырей, транслирующих стоны грешников. Плотный запах «личной ответственности и кедра». Своё собственное несчастное лицо в момент дегустации серой массы — потерянное, испуганное, честное.

— Я не хотел, — прошептал он в темноту. — Мне нужны были просмотры. Только просмотры.

Слова трусливо растворились в тишине. Контент не умел сострадать. Контент не оправдывался. Контент был ненасытным монстром, который уже требовал новую порцию быти-крови.

Кеша закрыл глаза. Сон не шёл. Он вдруг подумал о Лилит. О её кривых, дрожащих руках. О воспалённых красных глазах, которые косили от лунного воздуха с запахом жареной

картошки. О том, как она тихонько извинилась перед пустотой кратера, хотя должна была просить прощения у самой себя.

И тут пришла самая страшная, самая трезвая мысль за весь этот проклятый вечер: «А ведь мы оба просто делаем свою работу. Я — снимаю трэш. Она — пытается делать ногти. Просто у неё это трагически не получается, а у меня — получается слишком, сука, хорошо».

Кеша резко сел на кровати, включил телефон. Открыл Тик-Ток.

Под видео горело пятнадцать тысяч комментариев. Счётчик просмотров перевалил за четыре миллиона. Самое виральное видео в карьере. Мировые тренды. Мемы. Межгалактическая быоти-война.

Успех, который насквозь пах прокисшим творогом, бобровой шерстью и чьей-то абсолютно растоптанной жизнью.

Он вымученно улыбнулся. Улыбка вышла такой же кривой, как адский френч на его пальце. Не knowing, кому она адресована — себе, Лилит или Люциферу, который, судя по всему, прямо сейчас рвал на себе дорогой костюм и швырял коллекционные кружки в стену своего адского кабинета.

— Завтра будет новый день, — громко сказал Кеша в пустоту спальни. — Завтра сниму что-нибудь весёлое. Про херувимов. Или про розовые облака. И все всё забудут.

Он сам не верил ни единому слову. Но произнёс это достаточно уверенно, чтобы обмануть тишину.

А в это время, на другом конце обитаемой Вселенной, в раздолбанном салоне на обратной стороне Луны, Лилит сидела в кресле и тупо смотрела на экран старого смартфона.

Того самого, который она испуганно спрятала под стойку три часа назад, когда поняла, что в интернет лучше не заходить, если хочешь сохранить рассудок. Но она всё-таки не выдержала. Достала. Открыла Тик-Ток. Нашла профиль Кешы.

Смотрела видео молча. Не плакала. Не проклинала ангела. Просто молча наблюдала со стороны, как её кривые руки яростно пилят рашпилем чужой ноготь, как лопаются пузыри тактильного 3D-дизайна, как брововые пучки перекрывают парню обзор, превращаясь в шлагбаум.

Досмотрела до самого конца. До того момента, где она осталась одна — растерянная, виноватая, с пустым взглядом, устремлённым в треснувшее зеркало под заунывный трек «Мумий Тролля».

Она медленно заблокировала телефон и швырнула его обратно под стойку. Посмотрела на свои руки.

Руки больше не дрожали. Напротив, по телу разлилось странное, давно забытое и пугающее чувство, очень похожее на абсолютное освобождение.

— Ну вот и всё, — тихо сказала она лунной пустоте. — Отмучилась.

Пустота кратера на этот раз словно согласно качнулась. Ей показалось, или лунная серая пыль на полу действительно шевельнулась от её голоса? Нет, наверное, просто сквозняк из неисправного генератора воздуха. Или не сквозняк.

Лилит поднялась с кресла. Решительным движением сняла испачканный в сметане фартук и швырнула его в дальний угол подсобки. Фартук мокрой серой медузой шлёпнулся на пол и замер.

Она вышла наружу, подошла к полыхающей малиновым светом вывеске. Буквы «Х» больше не было. Осталось только кудее, обрубленное: «Опу...». Символично до слёз.

— Завтра сниму эту жестянку, — проворчала она. Потом подумала, криво усмехнулась и добавила: — Или послезавтра. Или вообще никогда. Пусть висит как памятник моему позору.

Вернулась, рубильником выключила главный щиток. Малиново-розовая болезненная подсветка с треском погасла. Салон Онух-Луна мгновенно погрузился в холодную, космическую темноту.

Только старое радио в углу, работающее на каких-то автономных адских батарейках, продолжало тихонько хрипеть, транслируя сквозь помехи заунывную песню про вечную разлуку. Кто-то на космических радиочастотах определённо знал толк в издевательствах.

Лилит вышла, захлопнув за собой дверь. Ручка по-прежнему была липкой от дешёвого топа без липкого слоя.

А в Тик-Токе в эту секунду миллионы пользователей плодили новые мемы про Люцифера, корпоративные юристы Рая и Ада строчили досудебные претензии, а хэштег #OnyxGate триумфально продолжал возглавлять список мировых трендов.

Кеша наконец заснул. Ему снился Минск. Каменная Горка. Какой-то чистый, уютный салон с правильным розовым светом, пахнувший хорошим кофе, и огромный чёрный наглый кот, который сидел прямо на прилавке и вальяжно жрал настоящую, белую сметану из ведра.

Во сне Кеша на цыпочках подошёл к коту, поправил помятые крылья и шёпотом спросил: — Извините, господин кот... А здесь сметана вкусная? Не кусается?

Кот медленно оторвался от ведра, облизал усы, посмотрел на ангела своими жёлтыми, умными глазами, в которых читался опыт пятидесяти адских корпоративов, и авторитетно заявил:

— Для своих у нас сметана бесплатная. А для таких скандалистов, как ты, — тариф двойной. И по морде рашпилем в подарок.

Кеша резко проснулся в холодном поту, тяжело дыша. Телефон на тумбочке бешено вибрировал, экран горел багровым светом. Новое личное сообщение от официального аккаунта Люцифера:

«Я заказываю карету и лечу в Минск, на Каменную Горку. Лично. Если ты, курица блогерская, дорожишь своими перьями и модельным лицом — не высывайся из Рая ближайшее столетие».

Кеша дрожащей рукой выключил телефон, зарылся лицом глубоко в пушистую подушку и твёрдо решил, что завтра, прямо с утра, он снимет челлендж про танцующих херувимов.

С херувимами безопасно. Херувимы не имеют связей в Преисподней. И не лишают Владыку ада скидки на драки.

Люцифер узнаёт новость

В Аду было утро. Если, конечно, можно назвать утром момент, когда серные испарения слегка рассеиваются, черти начинают лениво и без огонька тыкать вилами в ещё не проснувшихся грешников, а из динамиков корпоративной системы оповещения вместо бодрящего марша транслируют унылую сводку происшествий за минувшую вечность.

Люцифер сидел в своём кресле. Кресло было старым, кожаным, с подлокотниками в виде чугунных гарпий, которые сегодня вели себя подозрительно тихо — не шипели, не пытались укусь за палец, не требовали жалобную книгу и прибавку к жалованью. Гарпии явно что-то знали. Эти крылатые твари всегда узнавали всё первыми.

Шёлковый халат с драконом был небрежно расстёгнут. Коллекционная кружка с кофе — пуста. Планшет — в руках. Лицо — багрово-красное. Не просто недовольное, а полыхающее, как марсианская пыль или помидор, который вырастили на удобрениях из чистого, концентрированного гнева. Из-за того, что Ад накрыло волной интернет-трендов, золотой дракон на халате Люцифера поймал вай-фай, и теперь на его вышитом пузе тускло пульсировал свежий мем: лицо Владыки, прифотошопленное к банке серого кефира.

Демон из отдела экстренного мониторинга соцсетей стоял перед ним. Звали демона Коряга. Это была его третья должность за последние триста лет — предыдущие две он с трес-

ком потерял за то, что вовремя не удалял из сети вирусные видео. Сейчас Коряга стоял вытянувшись в струну, мелко дрожал копытами и старался не смотреть на разбивающийся о лоб шефа цифровой поток. Его рожки, и без того кривые от рождения, от дикого страха скрутились в плотные бараны завитки. В руках демон держал дымящиеся, обожжённые по краям распечатки скриншотов из Тик-Тока — адский принтер не справлялся с накалом трэша.

— Повтори, — тихо сказал Люцифер.

Голос его был шёлковым и спокойным. Это было самое страшное. Когда Люцифер орал, это означало обычный рабочий день. Когда он шептал, гарпии на подлокотниках начинали мысленно писать завещание.

Коряга судорожно сглотнул.

— Шеф... — демон замялся, пятась назад и поджимая хвост. — В Тик-Токе вышло видео. От этого пернатого... Кеши. У него два миллиона подписчиков. И наш бренд... упоминается. В крайне негативном, я бы сказал, катастрофическом ключе.

— В каком именно ключе? — Люцифер не повышал голоса. Он вообще не двигался. Только его глаза загорелись зловещим фиолетовым пламенем — тем самым фирменным огнём, от которого у грешников в котлах случалась икота на три вечности вперёд.

— В ключе... просроченной серой сметаны. И кривых рук мастера. И бобровых ресниц с Немиги, которые шуршат и требуют построить плотину. И... — Коряга запнулся, чувствуя, как температура в кабинете стремительно поднимается до градуса «яйцо всмятку за полсекунды». — И там уже пять миллионов просмотров. Хэштег #OnyxGate в мировом топе. Серафимы снимают дуэты, херувимы делают каверы. Вас называют... «Падшим с кислой сметаной».

Тишина, тяжёлая и плотная, как чугунная плита, повисла в кабинете. Гарпии синхронно затаили дыхание и зажмурились. Дракон на халате попытался слезть с ткани и уползти под шкаф.

Люцифер медленно поднёс планшет к лицу. Открыл Тик-Ток. Включил ролик.

Первые десять секунд он смотрел молча. Лицо меняло цвет со свекольного на фиолетовый. На двадцатой секунде на лбу вздулась вена в форме кукиша. На тридцатой — вторая, в форме эмблемы налоговой. К концу первой минуты Владыка Ада напоминал скороварку с заклиненным клапаном.

Из динамиков раздался скрежет лунного рашпиля. Лилит на экране заносила инструмент над пальцем Кеши, а её наклеенная на указательный палец ресница бешено моргала в камеру.

— Что этот пернатый делает с моими флаконами?! — прохрипел Люцифер. — Почему лаки падают в обморок прямо в кадре?!

— Выключи, — прошептал он Коряге.

Демон от страха оцепенел.

— **ВЫКЛЮЧИ ЭТОТ ТРЭШ!**

Люцифер швырнул планшет в стену. Планшет до стены не долетел. Левая гарпия перехватила его на лету, с хрустом перекусила пополам, прожевала микросхемы и выплюнула ошмётки на ковёр.

Люцифер встал. Халат распахнулся. Дракон на спине сжался до размеров карманной ящерицы.

— Это не наш салон! — рявкнул он. — У нас международный стандарт!

— Я знаю, шеф, это подделка... — пискнул Коряга.

— Но там вывеска «Опук»! Бренд, который я лично согласовывал с Ларисой Петровной и платил за регистрацию тремя отборными душами! Нормальными душами, которые не бунтуют, а тихо плачут в углу по расписанию!

Коряга покорно промолчал.

— А меня... меня называли «Падшим с кислой сметаной»?! — Люцифер аж взвился. — Моя репутация! Моя корпоративная скидка на драки в минском кафе под угрозой!

Коряга всхлипнул, размазывая слёзы по пяточку. Копыта отбивали дробь: «Помогите, спасите».

— Пошёл вон! — выдохнул Люцифер.

Коряга вылетел из кабинета со скоростью пушечного ядра.

Люцифер остался один. Он принялся мерить кабинет яростными шагами. Три шага к окну, три обратно. Гарпии сочувственно и злорадно провожали его взглядами.

— Падший с кислой сметаной... — проворчал он, пробуя слово на вкус. — Я им покажу.

Из динамиков на стене всё ещё бубнила сводка:

— ...в пятом круге зафиксировано незначительное повышение температуры смолы.

Грешники выражают благодарность за лёгкое пережаривание...

Люцифер щёлкнул пальцами. Динамики взорвались фонтаном искр и замолчали.

Он подошёл к столу. Там, среди вороха деклараций, лежал стационарный чёрный телефон. Тяжёлый, эбонитовый, с допотопным диском. Люцифер пользовался им только в крайних случаях.

Он начал набирать номер. Долго, с хрустом крутя диск.

На том конце ответили на пятый гудок. Спокойный, уверенный голос Кристины:

— Салон «Опух», Каменная Горка. На реснички хотите?

— Это Люцифер! — рявкнул он.

— Здравствуй, Люцифер. Кофе будешь?

— Не надо мне кофе! Ты видела Тик-Ток?!

Пауза. Кристина, кажется, отставила кружку.

— Видела.

— И ты молчишь?!

— А что говорить? Это не наш салон.

— Но там вывеска «Опух»! И меня называли...

— Знаю. «Падшим с кислой сметаной». Мы уже в курсе. Тома мемы кидает в чат.

— Я слышу! — крикнул Люцифер. — У меня идеальный слух!

— Мы знаем. Ты громкий. Что ты хочешь?

— Я лечу в Минск! Открывай портал! Будем собирать совет!

— Зачем?

— Как зачем?! Закреть эту лунную богадельню! Вернуть букву «Х»! Спасти мою репутацию! А заодно... — Люцифер замялся. — Проверить, правда ли, что у тебя сметана нормальная. Ангелы в комментариях пишут.

В трубке послышался короткий смешок.

— Приезжай. Сметана свежая. Только херувимов не распугай, они спят после смены.

— Я никого не боюсь. Я — учредитель.

Люцифер бросил трубку. Гарпии одобрительно зашипели. Дракон пришил обратно.

Он вышел в коридор. Там его ждал Коряга с кожаным чемоданом, из которого булькало.

— Что это? — спросил Люцифер.

— Сметана, шеф! Настоящая, белая, густая. С печатью «Высшее качество РБ». Вы же сами сказали: если кризис — неси сметану, будем стресс заедать. Тут три литра.

Люцифер заглянул в чемодан. Понюхал. Пахло закваской и утренней прохладой. Никакой лунной жизни.

— Хвалю. Открывай портал.

Коряга взмахнул руками. Стена в конце коридора налилась ядовито-зелёным светом.

Люцифер поправил халат, сжал чемодан и шагнул в портал. За спиной остались душный кабинет, сломанные динамики и гора нерешённых адских дел.

Впереди была Каменная Горка. Салон, который должен был спасти его честное имя. И драки. С нормальной сметаной.

Портал захлопнулся с почтительным щелчком. Гарпии в пустом кабинете расслабились. Одна из них зевнула, почесывая крыло.

Скандал только начинался.

Врываясь в салон

Салон «Опух» на Каменной Горке встретил Люцифера запахами, от которых у половины грешников в Аду случился бы нервный срыв от зависти. Пахло нормальной, качественной сметаной — белой, густой, с честной жирностью и без радиоактивных прожилок. Пахло свежемолотой арабикой, профессиональными лаками и лёгким, едва уловимым ароматом подпаленной херувимьей шерсти. Розовый прожектор заливал помещение мягким сиянием, от которого даже у самых закоренелых падших ангелов расслаблялись плечи.

Кристина сидела в своём кресле. В руках — кружка «Лучшая тётя» с кровью первой группы, отрицательный резус, свежая порция от тёти Маши из поликлиники на Сухарево. На Кристине был чёрный рабочий фартук с розовым логотипом «Опух». Её лицо выражало ту самую глухую вампирскую скуку, которую не могли пробить ни капризы клиентов, ни межгалактические кризисы, ни даже вторжение разгневанного учредителя.

Тома раскладывала пинцеты на стерильной салфетке, выстраивая их в идеальный ряд. Её рыжие волосы были собраны в пучок, из которого торчали две заколки с единорогами и одна старая пилочка. Ведьма напевала «Купалінку» — в специфической обработке для электрокастрюль.

Баюн сидел на прилавке. Чёрный кот с наглой мордой и жёлтыми глазами, в которых читался опыт пятидесяти адских корпоративов, методично вылизывал лапу после банки сметаны. Он делал это с чувством собственного достоинства, как и подобает генеральному директору, который знает свою цену по курсу Ларисы Петровны.

Валера стоял у стены. Кепка с надписью «Охрана», казалось, стала частью его черепа. Уши светили ровным розовым светом — как ночник в гостиной, где не ждут гостей. Он смотрел на дверь. Он всегда смотрел на дверь. Это была его работа.

Дверь распахнулась без стука.

Люцифер ворвался в зал, размахивая папкой с документами. В другой руке он держал кожаный чемодан, из которого булькало. На нём был строгий чёрный костюм, но поверх — шёлковый халат с драконом. На ногах — зелёные тапки-крокодилы с выпученными глазами.

— Вы видели этот кошмар?! — заорал он.

Кристина сделала глоток крови, поставила кружку и только потом подняла глаза.

— Доброе утро, Люцифер. Кофе будешь?

— Не надо мне кофе! Я требую ответов!

Он швырнул папку на стойку. Баюн даже не вздрогнул. Только покосился одним глазом.

— Это не наш салон, — спокойно сказала Кристина.

— Я знаю, что не наш! Но там вывеска «Опух»! Наш бренд! Который я согласовывал лично с Ларисой Петровной и платил душами! Тремя! Отборными!

— Инфляция, Люцик, — заметила Тома. — Души твоего автопрома нынешний курс не учитывает.

— Молчи, ведьма!

— Я не молчу, я инструмент стерилизую.

Люцифер перевёл дыхание. Открыл чемодан, достал ложку, зачерпнул сметану. Съел. Зажмурился. Лицо сменило гневный свекольный оттенок на блаженно-розовый.

— Хорошая сметана... — признал он. — В отличие от той серой жижи, которую этот пернатый жрал на Луне.

— Мы говорили, — пожала плечами Кристина. — У нас — качество.

— Это не «качество»! Это прямое соответствие пункту четыре нашего договора с Канцелярией!

— Я бы назвал это «съедобным», — вставил Баюн. — Но тебе, как крупному акционеру, виднее.

— Кот, не зли меня.

— Во-первых, я генеральный директор. Во-вторых, у меня есть блокнот. Попрошу соблюдать субординацию.

Люцифер проигнорировал. Закрыв чемодан, обвёл зал взглядом. Розовый свет. Идеальный порядок. Никто не паниковал.

— Вы понимаете, что этот скандал может уничтожить наш бизнес? Что Канцелярия уже строчит ноту? Что Лариса Петровна звонила мне на секретный телефон и пообещала штраф за каждый просмотр?

— Лариса Петровна всегда пугает штрафами, — отмахнулась Тома. — Это её способ выражать любовь.

— Пять миллионов просмотров за ночь!

— Ого, — Тома присвистнула. — Придётся экономить на угле.

— Поэтому я здесь! Чтобы вы взяли ситуацию под контроль!

Валера отлепился от стены.

— Мы уже взяли, — сказал он. — Кристина вычислила, кто это.

— Кто?

— Лилит, — ответила Кристина. — Наша бывшая ученица. Не сдала экзамены. Улетела на Луну. Думала, там не проверяют.

— Та самая суккуба с кривыми руками? Которая приклеила ресницу на палец и ходила так три дня?

— Она самая.

— И она решила, что может открыть филиал под моим брендом? Без моего ведома? Без доли учредителя?

— Она хотела как лучше, — тихо сказала Тома.

— Получилось как всегда! Где она?

— На Луне. Сидит в салоне. Ждёт, когда её закроют.

— Почему вы её ещё не закрыли?!

— Потому что мы ждали, пока ты прилетишь и оплатишь телепортацию.

Люцифер набрал воздуха, но не успел.

Дверь открылась снова. На пороге стоял Аид. В одной руке — паспорт гражданина Республики Беларусь, раскрытый на странице с пропиской. В другой — мешок чёрной картошки. Из мешка торчал фиолетовый гриб, который мерцал тревожно.

— Я слышал шум, — сказал Аид. — У вас тут скандал? Почему все в курсе, кроме меня? Я, между прочим, налоги заплатил. Картошкой. Лариса Петровна сказала, у меня переплата, но вернуть не может — бюджет свёрстан.

Люцифер повернулся к нему. Лицо снова начало наливаться краской.

— Аид, сейчас не до тебя!

— Ко мне всегда до, — Аид прошёл в салон, сел на стул, поставил мешок рядом. — Я, кстати, тоже хочу открыть филиал на Луне. Картошку сажать. Там сумеречная зона — идеальный баланс для корнеплодов. Если ты, Люцифер, не против...

— Я против! Я вообще против всего! Против лунных стартапов, против блогеров, против кривых рук! У меня скидку на драники отбирают! А ты со своей картошкой!

— Это не просто картошка, — обиженно сказал Аид. — Это белорусский эксклюзив. Сорт «Каратоп». Удобен административным отчаянием. Растёт даже в космосе.

Кристина поднялась. Её спокойствие подействовало лучше успокоительного.

— Так. Прекратили.

Все замолчали.

— Мы летим на Луну. Все вместе. Закрываем салон Лилит. Возвращаем букву «Х». План ясен?

— Я лечу, — сказал Люцифер.

— Я тоже, — добавил Аид. — Картошку проверю.

— Я с вами, — сказал Валера. Его уши засветились ярче.

— Ну, раз все летят, — вздохнула Тома. — Беру метлу, пинцеты, клей и успокоительное для херувимов.

Баюн спрыгнул с прилавка, посмотрел на чемодан Люцифера.

— Чемодан со сметаной возьмите. На Луне пригодится. Для переговоров.

Люцифер хотел возразить, но передумал. Схватил чемодан, поправил халат и направился к порталу, который уже открывали проснувшиеся херувимы.

Аид пошёл следом, волоча мешок с картошкой. Гриб высунулся и подмигнул Валере.

Валера подошёл к Кристине. Их взгляды встретились.

— Не выключайся, — сказала она.

— Я не выключаюсь, — ответил он. Уши засветились теплее.

Тома закинула метлу на плечо.

— Ну что, погнались. Луна ждёт.

Они шагнули в портал.

Зелёный свет сомкнулся. Розовый прожектор мигнул один раз — на прощание.

Херувимы в подсобке тихо прошептали:

— Тю-ю...

— Тю-ю.

И снова заснули.

ГЛАВА 1. Луна встречает не хлебом-солью

Прилёт. Первый шок

Межпространственный портал выплюнул их на обратную сторону Луны с той глубокой, экзистенциальной брезгливостью, с какой старый домашний кот извергает на ковёр проглоченную шерсть. Зелёное марево сомкнулось за спинами с тихим, обиженным хлопком — будто само пространство осталось недовольно тем, что его использовали как общественный транспорт без предварительной записи.

Адская карета Рыгора приземлилась на рыхлый реголит с грохотом, от которого у ближайших кратеров пошли трещины. Копыта коня, принципиально не признававшего гравитацию, оставили в лунной пыли воронки глубиной по колено. Сам Рыгор тряхнул гривой, выплюнул огрызок райского яблока и окинул окрестности философским взглядом существа, которое видало и не такой трэш.

— Тесновато, — вынес вердикт. — И пахнет так, будто на местной кухне забыли выключить позавчерашний ужин. Если тут есть жизнь, она принципиально не пользуется дезодорантами.

Люцифер выскочил из кареты первым, едва створки открылись. Халат развевался за спиной, дракон на ткани бешено сверкал вышитыми глазами. Чемодан со сметаной он прижимал к груди с той же нежностью, с какой мать прижимает младенца в час апокалипсиса.

— Кислый запах, — процедил он. — Это запах тотального непрофессионализма. Запах кривых рук и контрафактных ресниц с Немиги. Это запах...

— Твоей затяжной депрессии, если не заткнёшься, — закончила Кристина, выбираясь из кареты. Она поправила косуху, огляделась. В розовом свечении её глаз не было беспокойства — только холодный, прагматичный расчёт. — Валера, свет.

Вурдалак не ответил. Он просто вышел — массивный, несуетливый — и включил уши. Не сразу, не на полную, а так, как зажигают свет в тёмной комнате, где ничего опасного нет, но лучше перебдеть. Розовое свечение разлилось по округе, выхватывая из тьмы острые силуэты скал и странные геометрические формы кратеров.

Тома спрыгнула следом, держа метлу наперевес — не как транспорт, а как боевое копье. За плечом покачивался рюкзак с инструментами, из недр которого доносилось глухое пение. Чайник, которого никто не брал в экспедицию, просочился через портал тайно и теперь наслаждался поездкой.

Аид вышел последним. Мешок с картошкой он перекинул через плечо, фиолетовый гриб-компаньон выглядывал из горловины и тревожно чихал на лунную пыль.

— Грунт перспективный, — деловито заметил Аид, растирая реголит пальцами. — Рыхлый, сыпучий. Для картошки самое то. Если добавить удобрений из административного отчаяния и немного надежды на возврат инвестиций...

— Аид, сейчас не время для агрономии! — зарычал Люцифер.

— А когда, если не сейчас? — Аид поднял на него спокойные глаза. — Вечность, знаешь ли, не резиновая.

Вдалеке, на горизонте кратера, зажглись огни. Не звёзды — слишком низко, не порталы — слишком ровно. Ядовито-малиновые, мигающие с частотой аритмичного пульса. И над ними — вывеска.

«Опу...».

Буква «Х» отсутствовала. Висел только сиротливый, обрубленный логотип, подсвеченный неоновой агонией.

— Вот оно, — сказала Кристина. — Логово.

— Логово моего позора, — поправил Люцифер. — Сейчас я им устрою букву «Х» в другом месте.

Он рванул вперёд, но Валера перехватил его за халат — вежливо, но непреклонно.

— План, — напомнил вурдалак. — Сначала план. Потом месть.

— У меня план — войти и закрыть!

— Это не план. Это рефлекс.

Из темноты вышли лунатики. Трое. Или пятеро. Их трудно было сосчитать — они мерцали, переливались и исчезали из виду, возникая в другом месте. Серые, с огромными глазами, они двигались плавно, как водоросли в мутной воде. Один, чуть крупнее остальных, сделал шаг вперёд и замерцал с частотой, которую Баюн почему-то понял.

— «Богиня ждёт», — перевёл кот. — Это Мерцательный Хвост, их главный. Лилит готовится к допросу.

— К допросу? — не понял Люцифер. — Я закрывать пришёл!

Лунатик замерцал с другой частотой. Баюн напрягся.

— Он говорит, что Лилит — их богиня. Что она принесла розовый свет. Что они ждали её миллиарды лет. И что ты, Люцифер, на их территории — никто.

Лицо Владыки налилось фиолетовым гневом. Дракон на халате поймал лунный вай-фай и начал транслировать мем с кислой сметаной. Из халата раздался голос Кеши: «Падший с кислой сметаной...»

— Заткнись, скотина шёлковая! — Люцифер шлёпнул себя по животу. — Я учредитель! Я придумал этот бренд! Который работает на трёх мирах! А эта суккуба с кривыми руками присвоила мою интеллектуальную собственность, накормила моего клиента радиоактивным творогом и подставила меня под лавину мемов! Я требую её крови! Или, на худой конец, публичных извинений и возврата буквы «Х»!

Лунатики синхронно замерцали. Один пискнул что-то на ультразвуке.

— «Законы вашего мира нас не касаются», — перевёл Баюн. — «Луна живёт по своим правилам. Богиня сказала пилить — мы пилим. Богиня ошиблась — мы простили». И ещё... они говорят, что ты пахнешь кофе и немытой кружкой. Что отвратительно.

— Я не мыл кружку три года! Это мой стиль!

Кристина шагнула вперёд. Лунатики расступились — нехотя, по миллиметру, чувствуя в ней силу, которой не собирались перечить.

— Проводите нас к богине, — сказала она. — Поговорим. По-хорошему. Без криков. Без мемов.

Лунатики переглянулись. Мерцательный Хвост кивнул.

— «Следуйте за светом», — сказал он.

И они повернулись, ведя делегацию к салону с оборванной вывеской.

Валера пошёл рядом с Кристиной. Уши светили ровно, без страха.

— Хорошо, что ты меня взяла, — сказал он.

— Я всегда тебя беру, — ответила Кристина. — Ты светишь. А без света никак.

Уши стали чуть теплее.

Тома подтолкнула метлой Баюна.

— Слышь, генеральный директор, — прошептала она. — А ты точно перевёл? Может, они просили не «следуйте за светом», а «закройте свет»? Язык мерцания — наука неточная.

— Доверься профессионалу, — отмахнулся кот. — Я три банки сметаны съел на изучение диалектов. У меня диплом есть. На коробке из-под «Мечты о даче». Лариса Петровна заверила.

Вдалеке, у входа в салон, стояла фигура. Женская, сутулая, с красными глазами и фартуком, который давно стоило отправить в утиль.

Лилит ждала приговора.

Трон из лунных камней

Пластиковая дверь контрафактного салона не открылась — она жалобно взвизгнула, как маленький щенок, на которого наступили, и поддалась внутрь с явной неохотой. Ручка была липкой. Внутри пахло засохшей сметаной, экзистенциальным отчаянием и тем особенным ароматом, который появляется, когда человек перестаёт верить в себя, но продолжает платить аренду кремниевым коллекторам.

Кристина вошла первой. Валера — за ней, подсвечивая путь. Люцифер ломился следом, сжимая чемодан со сметаной как боевую гранату. Тома несла метлу наперевес, готовая в любой момент превратить её в оружие возмездия или, на худой конец, в швабру. Аид замыкал шествие, волоча мешок с картошкой, из которого доносилось тревожное чихание фиолетового гриба.

Салон выглядел так, будто его пытали, но он не сдавался, а просто тихо умирал в углу. Кресла стояли под дикими углами к стенам — не для удобства клиентов, а потому что так падали после очередного приступа безнадёги. Зеркала в трещинах. На стойке вместо прејскуранта лежал ржавый сачок для ловли сбежавших лаков. На потолке дрейфовал одинокий флакон топа без липкого слоя. На полке теснились флаконы со вздутыми этикетками, а рядом в банке из-под майонеза «Камако» уныло мокли старые апельсиновые палочки.

В центре зала, на возвышении из серых камней, стоял трон. Не тот, что в кабинете Люцифера, с гарпиями и подогревом. Это было сооружение, собранное из обломков надежды, скреплённых просроченной сметаной и чьими-то несбывшимися мечтами о красивой жизни на Немиге. И на этом троне, сжавшись в комок, сидела Лилит.

Она выглядела так, будто её похитили, нарядили в королеву и забыли сказать, что это игра. Взъерошенная, с красными глазами, в фартуке, который помнил лучшие времена, когда был белым. На указательном пальце левой руки по-прежнему торчала та самая ресница — та, что приклеилась три дня назад и теперь, кажется, обрела собственное сознание, периодически нервно подрагивая в сторону прибывших.

— Здравствуй, Лилит, — сказала Кристина.

Лилит подняла голову. Увидела Кристину, Тому, Люцифера с чемоданом, Валеру с ушами, Аиду с мешком. И заплакала. Не ради жалости — а так, как плачут люди, у которых больше ничего не осталось, кроме слёз и трёхлитровой банки просроченной сметаны.

— Я знала, что вы придёте, — всхлинула она. — Я ждала. Каждый день. Каждый раз, когда очередной клиент выходил с таким лицом, будто я отрезала ему палец, а не делала маникюр.

Люцифер шагнул вперёд, но Кристина остановила его жестом.

— Дай ей сказать.

— Я хотела как лучше, — продолжала Лилит, вытирая нос рукавом. Ресница на пальце моргнула, поддерживая. — Я училась у вас. Старалась. Но у меня никогда ничего не получалось. Кристина, ты дала мне сертификат из жалости. Я знаю. Я не сдала экзамены, но вы пожалели меня. И я подумала: если я никому не нужна в Минске, может, я пригжусь там, где нет никого. На Луне.

— И ты решила, что можешь украсть нашу вывеску? — рявкнул Люцифер. — Наш бренд? Нашу сметанную технологию?

— Я думала, вы не узнаете, — прошептала Лилит. — Думала, на Луне никому нет дела до лицензий. Я взяла кредит у кремниевых с Титана. Купила оборудование на чёрном рынке. Ресницы — у тёти Зины в переходе на Немиге. А сметану варила сама, по рецепту из интернета. «Домашняя сметана за пять минут». Там было написано: «кефир и сметана — это одно и то же, просто разная выдержка».

Тома закрыла лицо рукой.

— Лилит, кефир и сметана — это даже не родственники. Это разные вселенные.

— Теперь я знаю, — горько усмехнулась Лилит. — Клиенты тоже поняли. Первый же ангел сфотографировал ногти, написал жалобу в Канцелярию и улетел, не заплатив. А второй оказался блогером. С двумя миллионами подписчиков.

— Уже с четырьмя, — мрачно уточнил Люцифер. — После твоего тик-тока.

Лилит всхлипнула и уткнулась в колени. Люцифер вздохнул, открыл чемодан, зачерпнул ложку сметаны, съел. Лицо его порозовело — не от гнева, от вкуса.

— Сметана у тебя, кстати, действительно была ужасная, — сказал он уже спокойнее. — Серая, с комками, с прожилками. Ты хоть понимаешь, что нельзя варить сметану в чайнике?

— Я думала, если чайник поёт «Купалінку», он магический и всё умеет, — призналась Лилит.

Тома сделала шаг назад и прижала рюкзак к груди.

— Этого не было. Это не мой чайник.

— Чайник был ваш, — возразила Лилит. — Я взяла его в подсобке на Каменной Горке. Он пел так громко, что я решила — это знак.

Чайник в рюкзаке обиженно зашипел и затянул «Купалінку» в знак подтверждения. Тома стукнула по нему кулаком, но он не замолкал.

— Так, — Кристина обвела зал взглядом. — Лилит, ты нарушила закон. Использовала чужой бренд, накормила клиента несъедобной сметаной, наклеила ресницы, которые выглядят как бобровая плотина, и довела ангела до мема. Это статья.

— Я знаю.

— Но ты наша. Бывшая ученица. И мы своих не бросаем.

Люцифер открыл рот, но Кристина посмотрела на него — и он закрыл.

— Два варианта, — продолжила она. — Первый: забираем вывеску, закрываем салон, ты летишь с нами, мы забываем о твоём существовании. Второй: остаёшься. Приводишь всё в порядок. Учишься делать маникюр. Покупаешь нормальную сметану. Работаешь под нашим брендом — официально, с лицензией, проверками и налогами.

— Но у меня нет денег, — прошептала Лилит. — Я должна кремниевым.

— С этим разберёмся, — сказала Кристина. — Валера, проведи аудит.

Вурдалак кивнул и шагнул вперёд. Уши засветились ярче, тени по углам разбежались.

— Я проверю оборудование, — сказал он. — И запасы. И сметану. И ресницы. И чайник.

— Чайник не трогай, — попросила Тома.

— Чайник трогать не буду, — согласился Валера.

Лилит смотрела на них. На Кристину, которая говорила спокойно, как учитель, дающий последний шанс. На Люцифера, который уже ел сметану из чемодана, делая вид, что ему всё равно. На Тому, которая гладила чайник, успокаивая его после разоблачения.

Аид тем временем аккуратно высадил клубень «Каратопа» прямо в трещину лунного трона. Гриб-компаньон одобрительно замерцал.

— Вы правда дадите мне второй шанс? — не поверила Лилит.

— Третий, — поправил Баюн, наконец подавая голос. — Первый был в школе. Второй — когда ты открыла этот салон и не разорилась за неделю. Третий — сейчас. Советую воспользоваться, потому что четвёртого может не быть. Сметана кончится.

— Ничего не кончится, — буркнул Люцифер, облизывая ложку. — У меня в чемодане три литра.

Он закрыл чемодан, подошёл к Лилит, заглянул ей в глаза. В его взгляде не было злобы. Была усталость босса, который привык, что сотрудники всё портят, и смирился, но не перестал надеяться.

— Ресницы с Немиги — в мусор, — сказал он. — Сметану из чайника — в космос. Вывеску переделаем. Букву «Х» я привёз. Золотую. С блёстками. В ламинатор закатал.

— Ты привёз букву «Х»? — не поверила Лилит.

— В чемодане. В соседнем отсеке, со сметаной не смешивается, — проворчал Люцифер.
— Я учредитель. Я должен думать о бренде.

Он отвернулся и отошёл к окну. Валера подошёл к Кристине.

— Ты приняла правильное решение, — тихо сказал он.

— Посмотрим, — ответила она. — Если испортит сметану ещё раз, я сама закопаю её в этом кратере. Рядом с чайником.

Из темноты за окном замерцали лунатики. Мерцательный Хвост сделал шаг вперёд и выдал вопросительную серию миганий.

— «Богиня остаётся?» — перевёл Баюн.

Кристина посмотрела на Лилит. Та сидела на троне, всё ещё плача, но уже не от безнадёги — от надежды.

— Богиня? — усмехнулась Кристина. — Пока нет. Стажёр на испытательном сроке. Будет работать — посмотрим.

Лунатики замерцали радостно. Люцифер вздохнул, достал из чемодана золотую букву «Х» и протянул Валере.

— Прибей. Криво. Чтобы как у нас.

Валера взял букву, вышел к вывеске и начал приколачивать. Уши светили ровно, как фонарь на крыльце, куда возвращаются домой.

Лилит смотрела на них и впервые за долгое время почувствовала, что, может быть, ещё не всё потеряно. Даже когда у тебя кривые руки, в подсобке булькает радиоактивный кефир, а поющий чайник врёт с высокой ноты.

Явление богов

Тишина после плача Лилит была тяжёлой, как чугунная крышка люка на Немиге, которую забыли закрыть, и теперь в неё по ночам падали прохожие.

Валера закончил приколачивать золотую букву «Х» — криво, под сорок пять градусов, как просил Люцифер — и вернулся в салон, отряхивая ладони. Люцифер закрыл чемодан, спрятал ложку в карман халата и принял позу победителя. Тома перестала стучать по рюкзаку — чайник, наконец, замолчал, обиженно попискивая на низких частотах. Аид тем временем успел высадить три клубня чёрной картошки прямо в трещины на полу. Гриб-компаньон довольно мерцал, переливаясь фиолетовым. Баюн сидел на стойке, обняв хвост, и сверлил взглядом дверь.

Лилит смотрела на обновлённую вывеску, вытирала слёзы и пыталась поверить, что её не закрыли и не закопали в ближайшем кратере. Она открыла рот, чтобы сказать «спасибо», но не успела.

Дверь открылась сама. Не скрипнула, не взвизгнула — просто перестала быть преградой. Будто пространство решило, что дверь здесь лишняя, и попросило её выйти вон. В проёме парили трое. Не стояли — парили в сантиметре от пола, мерцая холодным, древним светом, у которого не было ничего общего с розовым сиянием Валеры. Это был цвет застывшей лавы, остывшей за миллиарды лет до температуры абсолютной обиды.

Первая — Селена-старшая. Высокая, тощая, с лицом, которое помнило ещё те времена, когда на Луне были настоящие моря — с водой, волнами и рыбами, вымершими от тоски по берегу. Её глаза выглядели как два кратера: глубокие, пустые и одновременно полные чего-то такого, от чего хотелось извиниться. На ней была мантия из лунной пыли, которая сыпалась при каждом движении, но не уменьшалась.

Второй — Кратер-громогласный. Широкий, приземистый, с голосом, который мог расколоть Луну пополам. Сейчас он молчал, но его молчание было громче крика павшего ангела, у которого отобрали скидку на драники. На плече у него сидел маленький лунатик и трясся от страха.

Третья — Мерцающая-тихая. Почти прозрачная, почти невидимая. Она была там, где её не замечали, и исчезала, когда на неё смотрели. Её голос звучал в голове, а не в ушах.

Люцифер, который секунду назад стоял в позе триумфатора, вдруг стал меньше. Не физически — но вся его уверенность съёжилась, как шагреновая кожа под кислотой. Он попытался что-то сказать, но Кратер поднял руку — и тишина стала абсолютной.

— Вы пришли за своей ученицей, — сказала Селена-старшая. Это не был вопрос.

Кристина шагнула вперёд, закрывая собой Лилит. Валера подался следом, уши налились малиновым, но она жестом остановила его.

— Мы пришли разобраться, — сказала она. — Лилит — наша. Мы забираем её.

— Поздно, — отозвалась Мерцающая-тихая. Её голос прозвучал в головах у всех сразу, и Баюн чихнул. — Она принесла розовый свет. Мы ждали миллиарды лет. Она — богиня. Мы решили.

— Какая богиня? — не выдержал Люцифер. — Это суккуба с кривыми руками, которая сварила сметану в чайнике! Она не умеет делать маникюр! У неё ресницы с Немиги!

Кратер шагнул вперёд. Пол дрогнул. Флакон топа, дрейфовавший под потолком, упал и разбился.

— Ты, падший, не указывай нам, — прогрохотал он. — Мы правим Луной с тех пор, как она стала Луной. Мы видели рождение кратеров. Мы слышали, как застывает лава. Мы ждали свет. И она принесла.

— Это не она! — заорал Люцифер, тыча пальцем в Лилит. — Это наш чайник принёс свет! Он пел «Купалінку»!

Чайник в рюкзаке подтверждающе пискнул. Тома села на рюкзак сверху.

— Неважно, что принесло свет, — сказала Селена-старшая. — Важно, что он здесь. Тот, кто его принёс, становится частью Луны. Она — наша богиня. Она останется.

— Это похищение! — возмутился Люцифер.

— Это традиция, — ответила Мерцающая-тихая.

Валера стоял рядом с Кристиной. Уши светили ровно, без паники, но с плотным малиновым оттенком — он был готов ко всему.

Кристина молчала. Смотрела на богов, на Лилит, на трон, на трещины, где Аид уже копал картошку. Считала. Взвешивала.

— У нас контракт с Лилит, — наконец сказала она. — Юридический. С печатью. Лариса Петровна заверяла. Если вы забираете её — вы нарушаете межмировое соглашение.

Боги переглянулись. Кратер нахмурился — по стенам пошли трещины.

— Лариса Петровна — это кто? — спросил он.

— Бухгалтер, — ответил Баюн. — Страшная женщина. В жилетке. С калькулятором. Приедет — покажет, где раки зимуют. Даже на Луне.

Лунатики за окном тревожно замерцали. Имя Ларисы Петровны было известно даже в сумеречной зоне.

— Мы не боимся бухгалтеров, — сказала Мерцающая-тихая, но голос её дрогнул.

— А налоговую? — спросил Люцифер, почуяв слабинку. — Бойтесь налоговую? Потому что Лариса Петровна — это налоговая. И она уже выписала штраф за незаконное использование бренда. Пеня за каждый просмотр. А просмотров — четыре миллиона.

Боги снова переглянулись. Кратер почесал затылок — на потолке появилась вмятина.

— Мы не знакомы с вашим законодательством, — признался он.

— Это ваша проблема, — отрезал Люцифер. — А наша — Лилит. Она наша. И мы её забираем.

— Нет, — сказала Селена-старшая. — Она остаётся. Но... — она сделала паузу, глядя на Кристину, — вы можете остаться с ней. Как советники. Как наставники. Как гости.

Кристина подняла бровь.

— Гости?

— Луна давно не видела гостей, — сказала Мерцающая-тихая. — Последний раз, когда кто-то прилетел без злых намерений, это были китайские зонды. Они не говорили. Только мигали. И упали в кратер. Мы похоронили их с почестями.

— Так, — Кристина обернулась к своим. — Что скажете?

— Я остаюсь, — сказал Аид, не поднимая головы от картошки. — Грунт перспективный. Налоги платить буду. Картошкой.

— Я тоже, — сказал Валера. — Светить здесь надо. Темно.

— Ты всегда говоришь «надо».

— Потому что надо.

Люцифер скрежетнул зубами. Дракон на халате снова начал транслировать мем, но он шлёпнул его ладонью.

— Я не остаюсь, — сказал он. — У меня скидка в кафе. Я должен контролировать процесс на месте. Но, — он посмотрел на Лилит и на вывеску, — я буду прилетать. С проверками. Непредсказуемо. И без предупреждения.

— Твоё право, — кивнула Селена-старшая.

— И моя доля, — добавил Люцифер. — Процент с каждой банки сметаны. И с каждой картошки.

— С картошки отдельно, — сказал Аид. — Картошка — святое.

— Это мы ещё обсудим.

Тома поднялась, отряхнула рюкзак. Чайник притих, но не выключился — перешёл в режим ожидания.

— Я полечу обратно, — сказала она. — Мне надо лаки проверять, ресницы заказывать. Но если что — я здесь. Портал открою, клей привезу, чайник настрою.

Баюн спрыгнул со стойки, подошёл к Лилит и заглянул ей в глаза.

— Ну что, Богиня, — сказал он. — Контракт подписывать будем? На наших условиях. С печатью. Сметаной.

Лилит посмотрела на Кристину. Та кивнула. Суккуба вытерла последние слёзы, поправила фартук и встала с трона.

— Подпишем, — сказала она. — Но я хочу нормальную вывеску. Золотую, с блёстками. И чтобы сметану поставляли с Земли, а не варили в чайнике.

Чайник обиженно пискнул. Тома шлёпнула по рюкзаку — и он замолчал насовсем.

Селена-старшая подошла к Лилит, положила руку на плечо. Лунная пыль осыпалась на фартук, но Лилит не отмахнулась.

— Ты — богиня, — сказала старейшая. — Но не одна. Они будут с тобой. И мы будем. Луна не отпускает тех, кто приносит свет.

Лилит кивнула. Она больше не плакала.

За окном лунатики устроили неоновый фейерверк. Мерцательный Хвост пульсировал в такт радости, остальные вторили, создавая какофонию, которую Баюн переводить отказался — «там всё нецензурное».

Валера стоял рядом с Кристиной. Уши светили ровно, без малинового. Опасность миновала.

Люцифер открыл чемодан, достал банку сметаны, поставил на стойку.

— Это тебе, — сказал он. — Настоящая. Минская. С жирностью, которая не снилась твоим чайникам. Учись, Богиня. И не позорь бренд.

Он захлопнул чемодан, развернулся и направился к выходу.

— Портал через час, — бросил он. — Опоздавших не жду. Тома, собирай херувимов.

Тома вздохнула, подхватила метлу, рюкзак и пошла следом. Аид остался — он уже доставал второй мешок картошки, прикидывая площадь посадки. Баюн сидел на стойке и листал блокнот, внося правки в бизнес-план.

Кристина подошла к Лилит.

— Не подведи, — сказала она. — Третий шанс — последний.

— Я не подведу, — ответила Лилит. — Больше никогда.

Кристина кивнула и направилась к выходу. Валера — за ней. У двери она обернулась.

— Розовый свет не выключайте, — сказала она. — Без него никак.

Лунатики замерцали утвердительно.

Она вышла. Портал сомкнулся.

Лилит осталась на Луне — одна, но не одинокая.

Богиня поневоле.

Стажёр на испытательном сроке.

Надежда, которую никто не заказывал, но которая почему-то прижилась.

ГЛАВА 2. Храм, трон и богиня поневоле.

Утро новой Богини

Лилит проснулась на троне.

Шея затекла. Левая рука занемела — та самая, с ресницей на пальце, которая после трёх дней космических испытаний стала частью анатомии. Спина болела так, будто она всю ночь разгружала фуру с белорусским трикотажем на Комаровке, а не спала на лунных камнях, скреплённых чьей-то просроченной надеждой.

Она открыла глаза. Потолок салона — того, что от него осталось после вчерашнего нашествия богов, учредителя и минской делегации — был всё так же в трещинах. Но в трещинах теперь горел свет. Не дохлый, малиновый, а правильный, розовый. Валера перед отлётом настроил прожектор.

— Зачем? — спросила тогда Кристина.

— Чтобы богиня не просыпалась в темноте, — ответил вурдалак. — Это негигиенично.

Лилит села, растирая плечи. В салоне было тихо. Лунатики, устроившие вчера неоновый фейерверк, разбрелись по кратерам — кто на работу, кто на поклонение, кто отсыпаться после дозы земных мемов. Мерцательный Хвост сидел на подоконнике и смотрел на неё своими огромными глазами. Смотрел с такой преданностью, будто перед ним была не суккуба с кривыми руками, а нечто великое. Божественное. Материально ответственное.

— Ты чего? — спросила Лилит.

Мерцательный Хвост замерцал с частотой, которую Баюн назвал бы «благоговейной». «Богиня проснулась», — перевела бы она, если бы понимала язык мерцания. Но она не понимала. Просто сидела на троне, чувствуя себя самозванкой.

В дверь постучали. Потом открыли. Аид.

Бог подземного царства, гражданин Беларуси, владелец палатки на Комаровке и посадочного талона на Луну, ввалился с мешком на плече и грибом на голове. Гриб чихал. Аид не обращал внимания.

— Доброе утро, Богиня, — сказал он. — Я картошку посадил. В сумеречной зоне. На границе света и тьмы. Полил сметаной — той, что Люцифер оставил. Взял две банки. Для урожая. Не откажешь в инвестициях?

Лилит хотела сказать, что она ничего не решает, что она не богиня, а стажёр на испытательном сроке, у которого отобрали паспорт и усадили на трон. Но Аид смотрел с надеждой. Надежда была чёрной, как его картошка.

— Бери, — сказала Лилит. — Но отчитывайся. Перед Кристиной и Ларисой Петровной.

— Отчитаюсь, — кивнул Аид. — Картошкой. Или налом.

Он вышел. Гриб чихнул на прощание.

Лилит осталась одна. Посмотрела на руки. На кривые пальцы. На ресницу, которая больше не моргала — приклеилась окончательно.

— Богиня, — прошептала она. — Какая из меня богиня? Я даже френч ровный сделать не могу.

Мерцательный Хвост замерцал утешительно. Ей показалось, он сказал: «У нас на Луне рук нет. Но мы справляемся».

Лилит вздохнула. Встала. Пошла к стойке.

Сметана Люцифера — три банки. Аид утащил две. Осталась одна. Хватит на неделю. Потом нужно заказывать новую. А для заказа нужен телефон. Телефон она разбила, когда швырнула в стену после тик-тока.

— Катастрофа, — сказала Лилит пустоте.

Пустота не ответила.

В дверь снова постучали. Тихо, вежливо. Лилит открыла.

На пороге стоял Мерцательный Хвост. Не один — с ним был лунатик поменьше, который держал в руках банку. Не сметанную. Стекланную, из-под майонеза «Камако», доверху наполненную лунной пылью.

— Это мне? — спросила Лилит.

Лунатики замерцали синхронно, радостно, часто. «Жертва Богине. По штату положено».

Лилит взяла банку. Пыль оказалась тёплой. Странно. Она думала, на Луне всё холодное.

— Спасибо, — сказала она.

Лунатики ушли. Лилит поставила банку на стойку, рядом со сметаной. Посмотрела на вывеску. Золотая буква «Х» горела ровно.

— Богиня, — снова прошептала она. — Богиня кривых рук и просроченной сметаны.

В окно постучал лунатик. Показал в сторону сумеречной зоны.

— Аид? — спросила Лилит.

Лунатик замерцал утвердительно.

Лилит вздохнула. Надела новый фартук — запасной, который Валера достал из чемодана («на первое время хватит, по регламенту»). Поправила ресницу. Вышла.

Луна встретила её холодом, пылью и чувством, похожим на надежду.

— Ну что, Богиня, — сказала она себе. — Погнали работать.

Аид уже копал. Гриб чихал. Лунатики сидели на камнях и мерцали в такт ударам лопаты.

Лилит взяла вторую лопату. Откуда? Аид привёз. С собой. В мешке. «На Комаровке распродажа была, брал по акции две — себе и богине».

— Я не умею копать, — сказала она.

— Научишься, — ответил Аид. — Ты же богиня. Богини всему учатся. Даже если у них руки из тазобедренного сустава.

Лилит хотела обидеться, но передумала. Воткнула лопату в грунт.

Грунт поддался легко. Слишком легко. Как будто ждал миллиарды лет, когда его начнут копать именно сейчас, именно здесь, именно она.

— Странно, — сказала Лилит.

— Это не странно, — ответил Аид, закапывая клубень. — Это судьба. Картофельная.

Они копали до вечера. Лунатики мерцали. Гриб чихал. Лилит не заметила, как с пальца упала ресница. Упала в пыль и замерцала сама по себе. Маленький розовый огонёк в серой пустоте.

— Смотри, — сказал Аид. — Первый артефакт.

Лилит подняла ресницу. Она светилась. Не так ярко, как уши Валеры, но заметно.

— Что с ней делать?

— Носи в кармане. На удачу.

Лилит спрятала ресницу в фартук. Розовый свет грел бок даже через ткань.

Вечером (лунного вечера не бывает, но они договорились: вечер — когда Аид устаёт копать, а лунатики мерцают медленнее) Лилит сидела на троне, ела сметану и смотрела в окно. За окном была Луна. Серая, пыльная, чужая. Но уже не такая пустая, как вчера.

На стойке — банка с лунной пылью. На полу — следы от грядок. На вывеске — золотая буква, которая горела не криво, а правильно.

— Богиня, — сказала себе Лилит. — Богиня кривых рук, просроченной сметаны и чужой надежды.

Она усмехнулась.

— Нормально. Работать можно.

Мерцательный Хвост замерцал одобрительно.

Лилит доела сметану, вытерла ложку о фартук и легла спать. На троне. Потому что другой мебели не было.

Но это была её мебель. Её трон. Её Луна.

И она собиралась сделать из неё что-то приличное. Даже если для этого придётся перекопать всю сумеречную зону и переварить весь запас сметаны в радиусе трёх миров.

Храм и совет.

Через три дня салон превратился в храм.

Лунатики, которые поначалу робко заглядывали в окна и разбегались при малейшем движении Лилит, теперь заходили без стука. Они не пользовались маникюрными креслами — ногтей у них не было. Они просто сидели на полу, на камнях, на подоконниках и смотрели. На розовый свет, на золотую букву «Х», на Лилит, которая по ночам спала на троне, а по утрам выходила копать картошку с Аидом.

— Почему они всё смотрят? — спросила Лилит у Мерцательного Хвоста.

Лунатик замерцал с частотой, которую Баюн назвал бы «философской». Ей показалось, он сказал: «Мы ждали свет миллиарды лет. Теперь не можем оторваться».

— Вы странные, — сказала Лилит.

— Ты тоже, — ответил лунатик мерцанием.

Аид пришёл утром с новым мешком картошки и новым планом. Гриб чихал реже — привык к радиации.

— Надо строить храм, — заявил бог, высыпая клубни на пол.

— Храм? — переспросила Лилит. — У нас салон. С лицензией. Почти.

— Салон — функция. Храм — судьба, — Аид говорил так, будто цитировал древний трактат, набросанный на обороте налоговой декларации. — Богине положен храм. С колоннами. С алтарём. С местом для подношений.

— У нас есть стойка.

— Это алтарь, на который пока никто не ставит свечи, — Аид указал на прилавок, где стояла банка «Камако» с лунной пылью и последняя банка сметаны. — Уже ставят. Лунатики носят пыль. Они верят, что ты сделаешь из неё красоту.

Лилит посмотрела на банку. Пыли прибавилось. Лунатики подсыпали по ночам.

— Я не умею делать из пыли красоту, — сказала она. — Только кривой маникюр и копать картошку.

— Пока да, — согласился Аид. — Но ты учишься. Это главное.

В дверь постучали. Вошли трое.

Селена-старшая, Кратер-громогласный и Мерцающая-тихая. Без фанфар, без мантий — как соседи, зашедшие за солью. Селена-старшая держала свёрток, перевязанный лунной травой (откуда трава на Луне? Лилит решила не спрашивать). Кратер-громогласный нёс камень, в котором пульсировал свет. Мерцающая-тихая несла себя — достаточно.

— Мы прибыли на совет, — сказала старейшая. — Богиня должна советоваться со старшими.

— Я не знала, что у меня совет, — растерялась Лилит. — У меня даже стульев нет.

— Богиням стулья не нужны, — отрезал Кратер. — Богини сидят на тронах. У тебя есть трон.

Лилит посмотрела на грудку камней, прикрытую фартуком.

— Ладно. Садитесь, где стоите. Советуюсь.

Боги расселись на полу, на камнях, на подоконнике. Аид остался у стены, обнимая мешок с картошкой. Гриб чихнул и затих.

Селена-старшая развернула свиток. Карта Луны — с кратерами, морями, сумеречной зоной и маленьким розовым крестиком, похожим на след от гель-лака.

— Это наша земля, — сказала она. — Миллиарды лет мы хранили её как яйцо, которое должно вылупиться. Но яйцо остыло. Мы заснули.

— Пока не пришла ты, — эхом добавила Мерцающая-тихая. Её голос прозвучал в голове, и Лилит вздрогнула.

— Я не приносила свет специально, — призналась Лилит. — Я сбежала из Минска. С ворованным чайником. Который пел.

— Неважно, — сказал Кратер. — Ты здесь. Луна проснулась. Теперь она должна измениться.

— Во что?

Боги переглянулись. Селена-старшая вздохнула — как учитель, когда ученик задаёт вопрос без ответа в учебнике.

— Мы не знаем, — призналась она. — Поэтому мы здесь. Ты — Богиня. Ты принесла свет. Ты должна решить.

Лилит посмотрела на свои руки. На кривые пальцы. На фартук в сметане. На ресницу в кармане.

— Я хочу, чтобы здесь был салон, — сказала она. — С розовым светом. С хорошей сметаной. Чтобы лунатики могли смотреть на красоту. Которой у них никогда не было.

Боги молчали.

— Красота, — медленно повторила Мерцающая-тихая. — Мы забыли это слово.

— Мы видели только пыль, — добавил Кратер. — И камни.

— Красота — когда смотришь и хочешь смотреть ещё, — сказала Лилит. — У нас на Каменной Горке так. Я смотрела на Кристину и думала: вот она. Я хочу быть как она. Но у меня не получалось.

— И ты прилетела сюда, — сказала Селена-старшая.

— Да. Думала, здесь никому не нужно уметь. А оказалось — и здесь не умею.

— Но ты не улетела, — заметила Мерцающая-тихая.

— Потому что вы не выгнали. И Кристина дала шанс. И Аид посадил картошку. И лунатики носят пыль. И мне кажется, если я уйду сейчас, то никогда ничему не научусь. А я хочу научиться.

Боги переглянулись. На их каменных лицах промелькнуло что-то похожее на улыбку. Кратер опустил светящийся камень на пол. Свет разлился по салону, смешиваясь с розовым сиянием Валеры.

— Мы поможем, — сказал он. — Луна — это мы. А мы теперь с тобой.

Аид отлепился от стены, подошёл к Лилит.

— Строй храм, — сказал он. — А я пока картошку досажу. На удобрениях не экономь. Чистый маркетинг.

Он вышел. Гриб чихнул на прощание.

Боги поднялись. Селена-старшая свернула карту. Кратер поднял камень — пульсация в нём стала ровной. Мерцающая-тихая растворилась, оставив эхо: «Мы рядом».

Лилит осталась одна. Посмотрела на банку с пылью, на сметану, на вывеску.

— Храм, — сказала она. — Я даже френч сделать не могу. Какой из меня архитектор? Мерцательный Хвост замерцал с подоконника. Ей показалось, он сказал: «Архитектор не тот, кто умеет строить. Архитектор — тот, кто знает, зачем».

Лилит достала из кармана светящуюся ресницу. Посмотрела на неё.

— Ладно, — сказала она. — Будем строить. Потом маникюр делать. Всё сразу. По-мински.

Она подошла к стойке, нашла в ящике бланк отчётности — среди засохших апельсиновых палочек — и написала план.

Писала криво. Но старательно.

«План Богини Лилит.

Построить храм.

Заказать стулья у Люцифера.

Научиться делать френч.

Не позорить бренд.

Спросить у Валеры, как он так ровно светит».

Лилит посмотрела на список, кивнула и пошла копать картошку.

Потому что храм сам себя не построит. Картошка сама не посадится. А богиня не для того, чтобы сидеть на троне и ждать чуда. Она для того, чтобы работать. Даже с кривыми руками. Даже с последней банкой сметаны. Даже с единственным артефактом — ресницей, которая светится в кармане.

Луна ждала. Лилит копала. Аид сажал. Лунатики мерцали в такт.

А где-то на Земле, в Минске на Каменной Горке, Кристина курила, глядя на розовый свет своего салона, и думала: «Кажется, я приняла правильное решение. Посмотрим».

ГЛАВА 3. Сумеречная зона

Граница света и тьмы

Сумеречная зона начиналась там, где кончался розовый свет. Не резко, не обрывом — а плавно, будто какой-то космический художник решил смешать два мира: один, где ещё теплилась надежда, и другой, где надежда давно собрала вещи и улетела. В этом месте вакуум пах озоном, лаком для волос и замёрзшим торфом.

Аид любил это место. Он вообще любил границы — там, где одно перетекает в другое, всегда можно урвать что-то для себя. Жизнь перетекает в смерть, смерть — в налоги, налоги — в картошку, а картошка — обратно в жизнь. Круг замкнулся.

— Здесь будем копать, — сказал он, воткнув лопату в реголит.

— Здесь? — переспросила Лилит, которая пришла с ним, потому что сидеть на троне одной было стыдно. — Это же граница. Тут даже камни не знают, где они.

— Поэтому картошка будет особенной. На границе всё особенное. И дорогое.

Он достал из мешка первый клубень — чёрный, с фиолетовыми прожилками, похожий на сердце очень старого и очень злого овоща. Гриб на его голове замерцал одобритительно.

Лилит смотрела на сумеречную зону и чувствовала, как внутри что-то меняется. Не прилив сил — а понимание: все границы, которые она себе нарисовала, на самом деле не существуют. Между «умею» и «не умею» такая же призрачная линия, как здесь, между светом и тьмой.

— Я никогда не сажала картошку, — призналась она.

— Врёшь, — спокойно сказал Аид. — В детстве на грядках сидела? С бабушкой?

— В детстве я сидела в Аду. У нас не было грядок. Только котлы.

— Жаль. Детство без картошки — не детство. Ладно, научим.

Он показал, как делать лунку, как класть клубень ростком вверх, как присыпать землёй, чтобы не задохнулся, но и не замёрз. Лилит повторяла. Криво. Но старательно.

— Руки у тебя, конечно, — сказал Аид.

— Знаю.

— Но лучше, чем вчера. И чем позавчера.

Она усмехнулась. Не комплимент, но и не оскорбление. Просто факт.

Валера пришёл через час. Уши светили ровно, как маяк, который не выключается даже в тумане. Он встал на границе — так, чтобы свет падал на обе стороны. В сумеречной зоне стало светлее.

— Валера, ты зачем? — спросил Аид.

— Кристина сказала: «Свети там, где темно». А здесь темно с обеих сторон. Нарушение техники безопасности.

— Добрая у тебя Кристина, — хмыкнул Аид.

— Она не моя. Она — Кристина. Руководитель, — поправил Валера. Уши его на секунду налились теплом. — А я просто свет.

Лилит посмотрела на него, потом на свои руки. Грязные, в реголите, с заусенцами. И подумала: если он может светить просто потому, что так надо, то и она может копать. Потому что так надо.

— Что сажаем? — спросил Валера.

— Картошку, — ответил Аид. — Сорт «Каратоп». Из Озерца.

— А вырастет?

— Если не вырастет — значит, недостаточно верили. Или недостаточно поливали.

Аид протянул Валере лейку. В лейке была сметана — серая, с комками, из старых запасов Лилит. Та, которую надо было утилизировать, но не поднималась рука вылить в космос.

— Поливай, — сказал Аид. — Сметана — лучший стимулятор.

— Я думал, сметану едят.

— Одно другому не мешает. Главное — чтобы в дело шла.

Валера полил. Сметана легла на реголит белыми разводами, смешалась с пылью и стала похожа на звёздное небо.

Лилит засмотрелась.

— Красиво, — сказала она.

— Это не красиво, — ответил Аид. — Это правильно. Красота — когда соберёшь урожай и поймёшь, что не зря возился.

Они работали до тех пор, пока у Валеры не замерцали уши малиновым — признак усталости. Аид заметил первым, остановился.

— Хватит.

— Ещё немного, — попросила Лилит.

— Нет. Переработал — руки отвалятся. А они тебе для маникюра нужны.

— Они для маникюра и так не очень.

— Тем более.

Они сели на камни. Валера притушил свет — но не выключил. Лилит смотрела на грядки. Картошка уже пускала ростки. Розовые, как свет Валеры.

— Аид, — сказала она. — Почему ты здесь? У тебя же Ад. Картошка там не растёт.

— Не растёт, — согласился он. — Потому что темно. А здесь есть граница. Свет и тьма вместе. То, что нужно.

— Скучаешь по Аду?

— Скучаю по налогам. В Аду их не платят. А здесь Лариса Петровна. Строгая, но справедливая. И картошку принимает.

Лилит хотела сказать, что это безумие, но передумала. Она сама копала картошку на Луне, потому что не могла сделать френч.

— Мы все немного безумны, — сказала она.

— Это не безумие, — возразил Аид. — Это бизнес. Безумие — когда сажаешь и не знаешь, вырастет ли. А мы знаем.

— Откуда?

Аид показал на ростки. Розовые, упрямые, они лезли из пыли, будто им было всё равно, что вокруг вакуум и радиация.

— Они уже растут. Вопрос времени.

Валера поднялся. Уши снова засветили ровно — отдохнули.

— Пойду. Кристина ждёт рапорт.

— Передавай привет, — сказал Аид.

— Передам. И сметану следующую готовьте. У нас на Каменной Горке заканчивается.

— Лариса Петровна не одобрит.

— Лариса Петровна одобрит, если в отчёте укажем: сметана пошла на космическую картошку.

Валера ушёл. Свет его ушей растворялся в сумеречной зоне, пока не стал точкой, а потом и точка пропала.

Лилит осталась с Аидом. Смотрела на грядки.

— Ты веришь, что это не зря? — спросила она.

— Я верю в картошку, — ответил Аид. — Картошка не врёт. Если выросла — значит, всё правильно. Если нет — ищи ошибку.

— А если ошибка в тебе?

— Тогда сажай снова. Пока не вырастет.

Он встал, взял лопату, мешок и пошёл к выходу.

— Завтра продолжим. Не опаздывай.

Лилит осталась одна. Посидела ещё немного, глядя на розовые ростки. Потом встала, поправила фартук, пощупала ресницу в кармане — она всё ещё светилась — и пошла в салон.

Завтра снова копать. Потому что картошка не ждёт. И граница света и тьмы никуда не денется.

Дегустация для богов

Через три дня картошка подросла настолько, что её стало видно из салона. Розовые кусты торчали из серой пыли, как флаги завоёванной территории. Лунатики собирались вокруг грядок и мерцали в унисон — Баюн назвал бы это «коллективным восторгом».

— Пора собирать урожай, — сказал Аид.

— Так рано? — удивилась Лилит. — Ты говорил — месяцы.

— На Земле — месяцы. На Луне — свои законы. И удобрения.

Он выкопал первый куст. Под ним висело пять крупных клубней. Чёрных, с фиолетовыми прожилками, идеальной формы — будто их лепил скульптор, который знал толк в корнеплодах.

— Это картошка? — не поверила Лилит.

— Это «Каратоп». Лунная серия. Эксклюзив.

Аид протянул ей клубень. Он был тёплым. Лилит повертела его, понюхала. Пахло землёй, надеждой и лёгкой ноткой ацетона — сказывалось соседство с салоном.

— Что с ней делать?

— Варить. Жарить. Продавать. И показать богам, чтобы дали добро.

— Богам? Ты хочешь угостить лунных богов картошкой?

— Устроить дегустацию. С пылу, с жару, со сметаной. Они должны понять: наш бизнес — не пустое сотрясение вакуума.

Лилит сомневалась, но спорить с Аидом, когда он держал идеальный клубень, было бесполезно.

Через час всё было готово. Валера притащил столик — тот самый, где раньше стояли банки. Аид разложил картошку горкой. Лилит поставила миску с отварными клубнями — варила в чайнике, который на этот раз вёл себя прилично. Тома, прилетевшая с Земли с новой партией сметаны, нарезала зелень. Откуда зелень на Луне? Вопрос, который никто не задал.

Баюн сидел на столике, облизывался и ждал.

— Дегустация для высшего руководства Луны! — провозгласил Аид. — Начинаем.

Боги не заставили себя ждать. Селена-старшая, Кратер-громогласный и Мерцающая-тихая появились из темноты, как будто ждали за кулисами. Шли по реголиту, оставляя следы, которые тут же затягивались. Луна не хранит чужие тайны.

— Что это? — спросил Кратер, глядя на картошку с подозрением. — Камни?

— Еда, — ответил Аид. — Наша. С нашей грядки. Пробуйте.

Боги переглянулись. Селена-старшая взяла клубень. Повертела. Понюхала.

— Пахнет землёй, — сказала она. — Но у нас нет земли. Только пыль.

— Теперь есть. Мы привезли.

Она откусила. Замерла.

Лунатики за окном синхронно замерцали — Баюн сказал бы: «Момент истины».

— Это... — начала Селена-старшая. Прожевала. Проглотила. — Это вкусно. Что это?

— Картошка. Сорт «Каратоп». С нашей родины.

— Почему она чёрная?

— Удобрения. Из Ада и сметаны. Коммерческая тайна.

Кратер взял второй клубень. Надкусил. Крякнул. Самый человеческий звук, который Лилит слышала от богов.

— Текстура, — сказал он. — Плотная. Не как пыль.

— Это еда, — повторил Аид. — Вы забыли вкус жизни. Мы напомним.

Мерцающая-тихая не ела — она впитывала. Клубень в её руках засветился, истаял, оставив запах свежего хлеба и детства. Лилит захотелось плакать.

— Хорошо, — прошептала богиня. — Правильно.

Аид выдохнул. Даже гриб на его голове перестал чихать и замер.

— Значит, договорились? — спросил он. — Вы даёте добро на копание в сумеречной зоне. Мы отдаём половину урожая. Налоги — по договорённости с Ларисой Петровной.

Боги переглянулись. Селена-старшая кивнула.

— Да будет так. Но ты, — она посмотрела на Лилит, — Богиня. Ты отвечаешь за качество. Если картошка испортится, если сметана прокиснет, если свет погаснет — пеняй на себя.

Лилит сглотнула.

— Не испортится. Не прокиснет. Не погаснет.

— Тогда мы согласны.

Боги ушли. Селена-старшая на прощание взяла ещё один клубень — в карман.

Тишина повисла над сумеречной зоной.

— Всё, — сказал Аид. — Теперь у нас есть разрешение. И пол-Луны под картошку.

— Пол-Луны? — переспросила Лилит. — Ты серьёзно?

— А чего мелочиться? Там всё равно ничего не росло. А теперь вырастет.

Он достал блокнот и начал писать план посадок.

Баюн прыгнул со столика, утащил три клубня.

— Зачем? — спросила Тома.

— На образцы. Для отчёта перед Ларисой Петровной. Скажу — белорусский космический экспорт.

Валера стоял у столика, светил на грядки. Уши пульсировали в такт дыханию Луны.

— Красиво, — сказал он.

— Что? — спросила Кристина, наблюдавшая из тени.

— Всё. Свет. Картошка. Боги, которые едят и улыбаются. Странно, но красиво.

— Странно — это наша работа, — ответила Кристина. — А красиво — когда работа не зря.

Она подошла к Лилит.

— Ты справляешься.

— Пока да, — ответила Лилит. — Но страшно.

— Страшно — нормально. Если не страшно, значит, не рискуешь. А если не рискуешь — не растёшь.

Лилит кивнула. Посмотрела на свои руки. Кривые, в земле, с заусенцами. Но картошка выросла. Боги одобрили. Свет не погас.

— Может, и я вырасту, — сказала она.

— Уже, — ответила Кристина.

Она развернулась и пошла в салон. Валера за ней. Свет его ушей на секунду стал ярче — а потом снова ровным, как всегда.

Лилит осталась с Аидом. Смотрела на картошку. На розовую ботву. На фиолетовые прожилки.

— Что дальше? — спросила она.

— Дальше копаем, — ответил Аид. — Сажаем, поливаем, собираем. Продаём. Платим налоги. Это бизнес. Он не заканчивается никогда.

Он взял лопату и воткнул в землю.

— Продолжим?

Лилит взяла свою. Вторую лопату. С Комаровки, по акции.

— Продолжим.

Они копали до тех пор, пока Валера не вернулся из салона с последней банкой сметаны.

— Кристина велела беречь, — сказал он.

— Будем беречь, — ответил Аид. — Для картошки. Для богов. Для урожая.

Он полил грядки. Сметана легла на землю белыми разводами, смешалась с пылью — и снова стало похоже на звёздное небо.

Лилит смотрела и думала: может, это и есть счастье. Когда сажаешь картошку на Луне, а рядом светят уши вурдалака, и кто-то верит, что у тебя получится.

Даже если руки кривые. Даже если сметана кончается. Даже если ты богиня поневоле, которая просто хотела делать маникюр.

Люцифер сажает картошку.

Люцифер прилетел на Луну без предупреждения. Его любимая тактика: внезапный визит, когда никто не ждёт, в помещениях не прибрано, персонал не готов к отчётам. Халат с драконом развевался, кружка с кофе была пристёгнута к чемодану (в чемодане — сметана, но Люцифер делал вид, что это не главное). На ногах — зелёные тапки-крокодилы.

— Проверка! — объявил он, ворвавшись в сумеречную зону. — Внеплановая. Без предупреждения.

— Ты уже предупредил, — не отрываясь от лопаты, заметил Аид. — Своим появлением.

— Это не предупреждение. Это неоспоримый исторический факт.

Люцифер оглядел грядки. Розовые кусты, чёрные клубни, фиолетовые прожилки. Всё росло, цвело, радовало глаз. Уши Валеры светили ровно, создавая иллюзию земного утра.

— Это картошка? — спросил он.

— А что, похоже на галлюциногенные адские грибы? — усмехнулся Аид.

— Почему она розовая?

— Удобрения. Сметана.

— Сметана?! — Люцифер схватился за голову. — Вы используете мою сметану, чтобы растить картошку? Ту самую, которую я привёз для переговоров? Которая стоила мне трёх душ и личной договорённости с Ларисой Петровной?

— Ту самую, — подтвердил Аид. — Лучший стимулятор роста в галактике. Твой вклад в космическое картофелеводство, Люцик. Гордись.

Люцифер открыл рот для гневной тирады, но закрыл. Картошка выглядела впечатляюще. Даже он, падший ангел, привыкший к вечным мукам и налоговым отчётам, мог это признать.

— Ладно, — сказал он. — Но я хочу посадить свою. Лично.

— Чего? — Аид поднял голову.

— Я. Хочу. Посадить. Картошку. Своими руками. Чтобы потом сказать, что я участвовал.

— У тебя нет рук для картошки, — сказал Аид.

— Есть. — Люцифер вытянул ладони. Белые, холёные, с идеальным маникюром (Кристина сделала, когда он прилетал в Минск). — Видишь? Руки.

— Руки для кружек, — уточнил Аид. — И для подписывания документов. Для картошки — другие.

— Покажи.

Аид вздохнул. Протянул ему лопату. Люцифер взял. Лопата была тяжёлой, неудобной, черенок скользил в пальцах, привыкших к эбонитовому телефону и серебряной ложке.

— Копай, — сказал Аид.

Люцифер копнул. Раз. Два. Три. На четвёртом замахе лопата выскользнула и улетела в сумеречную зону, описав дугу, достойную олимпийского чемпиона.

— Она выскользнула, — сказал Люцифер.

— Она не выскользнула. Ты не умеешь держать инструмент.

— Я держал трезубец! Я держал души грешников!

— Души легче, — заметил Аид. — И они не сопротивляются.

Люцифер покраснел. Дракон на халате, почуяв настроение хозяина, начал транслировать старый мем с кислой сметаной. Люцифер шлёпнул по нему ладонью.

— Заткнись, — сказал он дракону. Дракон заткнулся.

— Дай клубень, — потребовал Люцифер. — Посажу руками.

Аид протянул ему чёрную картофелину с фиолетовыми прожилками. Люцифер взял её, как бомбу — двумя пальцами, на расстоянии вытянутой руки.

— Она тёплая, — сказал он.

— Живая.

Он опустился на корточки (халат испачкался в пыли — он не заметил), положил клубень в лунку, присыпал землёй, полил из лейки — там ещё оставалась сметана.

— Всё, — сказал он, вставая. — Посадил.

— Посмотрим, — сказал Аид.

Ждали. Минуту. Две. Пять. Ростки не появлялись. Лунка оставалась мёртвой.

— Почему ничего не растёт? — спросил Люцифер.

— Потому что ты падший, — ответила Кристина. Она стояла в тени, наблюдала. — У тебя руки для кружек, а не для земли. Картошка чувствует. Она не хочет расти там, где нет веры.

— Я верю! — возмутился Люцифер.

— Во что?

— В то, что проект принесёт прибыль. И что...

Он запнулся. Не нашёлся.

— В картошку надо верить, — сказал Аид. — Не в себя. В неё.

— Это глупо.

— Это агрономия.

Люцифер посмотрел на свою лунку. Ничего. Потом на грядки Аида и Лилит — там картошка лезла из земли, как будто хотела побыстрее увидеть свет.

— У тебя не получится, — сказала Кристина. — Но это не страшно. Ты нужен в другом месте.

— Где?

— Там, где подписывают договоры. Где договариваются с Ларисой Петровной о налогах. Это твоя картошка, Люцифер. Бумажная. Но без неё наша — не вырастет.

Он помолчал. Вдохнул. Достал кружку, отхлебнул кофе. Кофе был холодный, но он не жаловался.

— Ладно, — сказал он. — Забирайте сметану. Всю. Поливайте. Растите. Но отчёт — мне на стол. Ежедневно. С фотографиями. С графиками. С прогнозом урожайности.

— Будет, — сказал Аид.

— И доля моя — не забыли?

— Не забыли. С каждой банки.

Люцифер кивнул, развернулся и пошёл к portalу. На полпути остановился, обернулся.

— И ресницы свои проверь, — крикнул он Лилит. — Всё ещё криво. Но лучше, чем в прошлый раз.

Лилит машинально потрогала веко. Ресница сидела на месте. Не моргала. Грела карман.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что. Это не комплимент, — буркнул Люцифер и скрылся в портале.

Тишина.

— Ну вот и всё, — сказал Аид. — Теперь у нас есть благословение Люцифера.

— Он же ничего не посадил, — заметила Лилит.

— Он посадил бюджет. Это важнее.

Аид подошёл к лунке Люцифера, выкопал клубень. Тёплый, но без ростков. Спрятал в карман.

— Зачем? — спросила Лилит.

— На память. Чтобы помнить: не всем суждено быть садоводами. Кто-то должен подписывать бумаги.

Он вернулся к своим грядкам. Лилит — к своим. Валера светил. Кристина стояла в тени, смотрела.

— Ты не будешь сажать? — спросила её Лилит.

— Я — вампир, — ответила Кристина. — Я сажаю страх. И иногда — надежду. Это лучше растёт в темноте.

Она ушла в салон.

Лилит осталась. Потрогала ресницу в кармане. Посмотрела на розовые ростки.

— Может, и я когда-нибудь посажу что-то своё, — сказала она.

— Уже, — ответил Аид. — Ты посадила себя. И картошка пошла.

Лилит улыбнулась. Криво, но искренне. Взяла лопату. Продолжила копать.

ГЛАВА 4. Посвящение

Совет старейшин

Храм, он же бывший салон «Опух», никогда не выглядел таким торжественным. Лунатики надраили базальтовые камни до зеркального блеска — насколько вообще можно надраить камень, который миллиарды лет видел только пыль и разочарование. Розовый свет Валеры струился с потолка, разгоняя тени по углам. На стойке администратора, которая теперь официально считалась алтарём, стояли три банки сметаны, миска с лунной пылью и засохшая апельсиновая палочка — видимо, для симметрии.

Лилит сидела на троне. Не сжавшись в комок, как раньше, — ровно, с достоинством. Спина прямая, плечи расправлены, руки на подлокотниках. Ресница в кармане грела бок. На лице — свежие брови. Не идеальные, но гораздо лучше, чем были вчера. Ресницы тоже подкручены — Тома успела сделать всё, пока Лилит отвлеклась на разговор с Аидом о картошке.

— Зачем ты тратишь на это дефицитные материалы? — спросила тогда Лилит, рассматривая себя в осколок зеркала.

— Потому что если ты выйдешь на официальную церемонию с бровями как у лешего, — ответила Тома, ловко пряча пинцет в карман халата, — Кристина меня убьёт. А я люблю жить. И пить кофе.

Лилит не стала спорить. Спорить с Томой, когда та держит в руках банку клея «Момент-Космос», было опасно для жизни. И для ресниц.

Кристина проверила маникюр позже. Быстро, профессиональным взглядом. Провела пальцем по краю ногтя, нахмурилась.

— Криво, — сказала она.

— Знаю, — ответила Лилит.

— Но жить будет. — Кристина отвернулась к окну. — В следующий раз сделаем френч. Если будет следующий раз.

Лилит не поняла, была ли это угроза или обещание. Но кивнула.

Вокруг трона, на камнях и подоконниках, расположились лунные боги. Селена-старшая — по правую руку, Кратер-громогласный — по левую. Мерцающая-тихая парила между ними, то появляясь, то исчезая, как плохой интернет в минском метро.

Аид стоял у стены, опершись на лопату. За его спиной розовели картофельные кусты. Гриб на голове чихал — уже не панически, а так, для профилактики.

Баюн сидел на алтаре. Прямо между банками со сметаной. Кот считал: если он генеральный директор, то на церемониях должен быть в центре внимания. Даже если центр — это алтарь, на котором обычно лежат жертвы.

— Мы собрались здесь, — начала Селена-старшая, и её голос разнёсся по залу, заставляя стены вибрировать, — чтобы официально признать...

Чайник запел.

Не тихо, не деликатно — на всю мощность. «Купалінка» вырывалась из носика, как крик души, которую слишком долго держали в закрытой посуде. Лунатики замерцали тревожно. Кратер нахмурился — по потолку пошли трещины. Селена-старшая замолчала.

В углу, на старом стуле, сидела Тома. В руках — чайник. Тот самый. Который воровали, возвращали, который сбегал через порталы и пел в рюкзаке. Теперь он сидел на коленях у ведьмы и выражал себя.

— Тома, — сказала Кристина.

Она стояла у двери, скрестив руки на груди. Тон был не вопросительным — утвердительным. Чайник.

— Он волнуется, — ответила Тома, не поднимая головы. — Ответственная церемония. Настройка ауры.

— Чайник не настраивает ауру.

— Этот — настраивает. У него сертификат.

Чайник выдал особенно пронзительное «Купа-а-а-алінка-а-а!». Мерцающая-тихая на мгновение материализовалась полностью — от неожиданности. Лунатики синхронно пригнулись.

Кристина посмотрела на Тому. Тома посмотрела на Кристину.

— Убери, — сказала Кристина.

— Не могу. Он сам по себе. Это магия. Высшая. Непредсказуемая.

— Ты высшая ведьма, — напомнила Кристина.

— Именно поэтому.

Чайник затих. Не потому, что его заставили. Потому что сам решил: пауза сейчас уместнее.

Селена-старшая, хранившая молчание с видом, будто видала и не такое, продолжила:

— Мы собрались здесь, чтобы официально признать...

Чайник снова запел.

Тома вздохнула, постучала по крышке. Чайник обиженно пискнул и замолчал, перейдя на тихое гудение.

— Извините, — сказала Тома богам. — У него переходный возраст. Хочет внимания.

Кратер-громогласный открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Он был старым и мудрым богом. Он понял: спорить с ведьмой, у которой чайник поёт белорусские народные песни, — это не битва, а гарантированное самоубийство.

— Мы собрались здесь, — в третий раз начала Селена-старшая, и на этот раз её никто не перебил, — чтобы официально признать Лилит нашей богиней.

Лилит сглотнула.

— Я не готова. Я ничего не умею. Я даже брови ровные сделать не могу, не то что маникюр.

— Богиня не та, кто умеет всё, — прогреготал Кратер. — Богиня — та, кто знает, зачем.

— Зачем? — переспросила Лилит. — Чтобы здесь был свет. И сметана. И чтобы лунатики не боялись темноты.

— Этого достаточно, — сказала Мерцающая-тихая.

Её голос прозвучал прямо в голове у Лилит, и суккуба вздрогнула.

— Мы ждали миллиарды лет. Остальному научим.

Тома подняла голову. Посмотрела на Лилит, потом на Кристину, потом снова на Лилит.

— Справишься, — сказала она. — Брови у тебя, конечно, растут как попало, но не безнадёжно. Я таких клиенток видела. Одна пришла с бровями, которые росли в разные стороны и ещё и спорили друг с другом. Я ей сказала: «У вас не брови, а художественный беспорядок. Это эксклюзив». Ушла счастливая.

Лилит не поняла, был ли это комплимент. Но улыбнулась.

Кристина подошла к ней, взяла за подбородок, повернула голову вправо, потом влево.

— Брови ничего, — сказала она. — Ресницы тоже. Ногти кривые, но это я исправлю. После церемонии.

— После? — переспросила Лилит.

— После, — кивнула Кристина. — Сначала посвящение. Потом френч.

Она отпустила её подбородок и отошла к стене.

— Значит, решено, — Селена-старшая поднялась, расправив мантию. — Церемония состоится сегодня. На границе сумеречной зоны. Там, где свет встречается с тьмой. И где растёт ваша картошка.

— А можно там, где теплее? — спросила Лилит.

— Нет, — ответили боги хором.

Тома вздохнула, поднялась со стула, поправила чайник.

— Тогда я готовлю состав. Для освящения. Лунная пыль, сметана, мой фирменный клей для ресниц. Держит даже в вакууме. Проверено.

— Кем проверено? — спросил Кратер.

— На херувимах. Летели через портал — ресницы не отклеились. Где сами херувимы — неважно. Важен результат.

Кристина шагнула вперёд.

— Через час. У грядок. Валера — свет на максимум. Тома — чайник чтобы не пел. Или пел, но тихо.

— А если он не захочет? — спросила Тома.

— Тогда сделай так, чтобы захотел. Ты ведьма. Ты мастер по бровям. Ты умеешь договариваться даже с капризными клиентами.

Тома посмотрела на чайник. Чайник посмотрел на Тому.

— Договорились, — сказала ведьма.

Лилит встала с трона. Поправила фартук. Потрогала ресницу в кармане — она всё ещё светила.

— Через час. Я буду.

— Мы знаем, — сказала Селена-старшая. — Мы всегда знали.

Лунатики за окном замерцали в такт её словам.

Тома вышла первой. Чайник в её руках тихо гудел — не пел, но как будто напевал себе под нос.

— Кристина, — сказала Лилит, когда вампирша уже взялась за ручку двери.

Кристина обернулась.

— Спасибо, что дала мне этот шанс.

— Не благодари. — Кристина посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом. — Докажи, что он был не зря.

Дверь закрылась.

Лилит осталась одна в зале. Только лунатики за окном и боги, которые медленно таяли в сумеречном свете.

— Ну что, Богиня, — сказала она себе. — Пойдём посвящаться.

Ресница в кармане потеплела.

Церемония.

Сумеречная зона никогда не выглядела такой праздничной. Грядки с розовой картошкой украшены гирляндами из пилочек — херувимы утащили из подсобки, пока никто не видел. Лунатики выстроились полукругом, мерцая в такт древнему лунному ритму. Баюн сидел на камне с видом главного распорядителя, который только что согласовал смету на фуршет.

В центре, на возвышении из серых камней, стояла Лилит. Брови — ровные, ресницы — подкрученные, маникюр — кривой, но Кристина пообещала исправить после ритуала. Фартук выглажен. В кармане — светящаяся ресница. Она грела бок и напоминала: ты здесь не случайно.

Валера светил на полную мощность. Уши розовели так, что освещали всю сумеречную зону. Кристина стояла рядом, скрестив руки. Не улыбалась. Но и не хмурилась. Высший знак одобрения.

— Все собрались? — спросила Селена-старшая.

— Все, — ответил Кратер-громогласный.

— Тогда начинаем.

Лилит сглотнула. Ей было страшно. Но она держалась. Богиня, которая боится, — нормально. Богиня, которая убегает, — профнепригодность.

Тома вышла вперёд. В одной руке — чайник (молчал, договорились), в другой — миска с «освящающим составом». Смесь лунной пыли, сметаны и клея «Момент-Космос» пахла озоном и укропом.

— Для начала, — объявила Тома, — обряд очищения.

— Это обязательно? — спросила Лилит.

— Обязательно. Иначе ресницы не приживутся. Физика красоты.

Тома макнула в состав ватные диски (откуда они на Луне? — вопрос, который никто не задал) и начала водить ими вокруг Лилит. Чайник одобрительно гудел.

— Очищаю от сомнений, — приговаривала Тома. — От кривых рук. От страха, что ничего не получится. От желания улететь обратно в Минск.

— Это работает? — шёпотом спросила Лилит.

— Понятия не имею, — так же шёпотом ответила Тома. — Но традиция.

Лунатики мерцали одобрительно. Баюн кивнул — он такие ритуалы уважал.

— Теперь, — Селена-старшая шагнула вперёд, — клятва.

Лилит выпрямилась.

— Я, Лилит, бывшая ученица салона «Опух», ныне богиня Луны. Клянусь делать маникюр каждому, кто придёт. Даже если руки кривые. Даже если сметана кончается. Даже если лунатики смотрят.

— Добавь про ресницы, — шепнула Тома.

— И ресницы, — добавила Лилит. — И брови. Всё, что надо. Любой каприз за космическую валюту.

— Принимается, — кивнула Селена-старшая.

Кратер протянул ей камень, в котором пульсировал свет. Лилит взяла. Камень был тёплым — как свет Валеры, как свежая сметана.

— Теперь пыль, — сказала Мерцающая-тихая.

Тома зачерпнула горсть лунной пыли и высыпала Лилит на макушку. Пыль засветилась, осела на плечи, на фартук, на брови.

— Символ земли, — объяснила Тома. — Плодородия. Картошки.

— А сметана? — не выдержал Баюн.

— Сейчас.

Тома взяла банку, макнула пилочную кисть и провела полосу сметаны на лбу Лилит — от брови до брови.

— Символ качества. Двадцать пять процентов. Не ниже.

Лилит стояла, покрытая пылью и сметаной, с камнем в руках. Чувствовала себя глупо. Но глупость была правильной. Глупость была ритуалом.

— Теперь фиксация, — сказала Тома.

Она достала пульверизатор с клеем для ресниц.

— Закрой глаза.

Лилит закрыла. Тома опрыскала её с головы до ног. Клей пах ацетоном и надёжностью.

— Готово. Теперь ни одна ресница не отклеится.

Лилит открыла глаза.

— Отныне ты — богиня Луны, — Селена-старшая положила руки ей на плечи. — Не титул. Не награда. Ответственность. За свет. За сметану. За тех, кто смотрит и верит.

Лилит кивнула.

— Я справлюсь.

— Мы знаем.

Кристина шагнула вперёд, достала пилочку.

— Теперь маникюр. Садись. Ногти кривые, я говорила.

Лилит села на камень. Кристина взяла её руку, начала подпиливать. Аккуратно, профессионально.

— Угол спила слишком острый, — сказала она. — Сгладь края. Чтобы не цеплялось за вакуум.

— Поняла, — прошептала Лилит.

— Умница. Быстро учишься.

Лилит улыбнулась. Кристина не улыбнулась, но движения стали мягче.

Валера стоял рядом. Светил ровно.

— Красиво, — сказал он.

— Что? — спросил Аид, копавший картошку в сторонке.

— Всё. Пыль. Сметана. Свет. Даже брови ровные.

— Тома старалась, — сказал Аид. — И Кристина. И ты.

— Я просто светил.

— Этого достаточно, чтобы мир не рухнул в темноту.

Кристина закончила последний ноготь.

— Работай, — сказала она. — Не позорь бренд.

— Постараюсь, — ответила Лилит.

Лунатики за окном устроили неоновый фейерверк. Мерцательный Хвост пульсировал ярче всех. Их богиня стала настоящей.

Аид выкопал ещё один куст, протянул клубень Лилит.

— На память. Первая богиня, которая сажала картошку. Даже если кривыми руками.

Лилит встала, отряхнула пыль, поправила фартук.

— Ну что, богиня, — сказала она себе. — Пойдём работать.

И пошла. К грядкам. К картошке. К сметане. К розовому свету, который теперь принадлежал ей.

Речь Кристины.

Когда неоновый фейерверк лунатиков растворился в сумеречной мгле, а последние искры клея для ресниц осели на фартук Лилит, наступила тишина. Не та, которая бывает, когда нечего сказать. А та, которая бывает, когда все ждут, что сейчас скажут что-то важное.

Все смотрели на Кристину.

Она стояла у края грядки, всё так же скрестив руки на груди. Валеров свет падал на её лицо, делая его не просто бледным — мраморным, как статуя, которая видела слишком много человеческих глупостей, чтобы удивляться. Но не перестала надеяться.

— Ты будешь говорить? — спросила Тома, когда пауза затянулась.

— Буду, — ответила Кристина. — Не торопи.

Она сделала шаг вперёд, и лунатики замерли, перестав мерцать. Даже чайник в руках Тома притих, понимая, что сейчас не время для народных песен.

Кристина обвела взглядом присутствующих. Лилит на камне — всё ещё в пыли и сметане, с камнем в руках. Боги — застывшие, как изваяния. Аид — с лопатой и мешком картошки, готовый в любой момент вернуться к работе. Валера — светит ровно, без дрожи. Баюн — не комментирует, только усы подрагивают.

— Я не умею говорить речи, — начала Кристина. — Я умею делать маникюр. И командовать. И принимать решения, от которых зависит, выживет кто-то или нет.

Она сделала паузу. Лунатики не дышали. Хотя они вообще не дышали, но сейчас они не дышали особенно тщательно.

— Лилит, — Кристина посмотрела на неё. — Ты не выбирала быть богиней. Тебя выбрали. Это не одно и то же.

Лилит хотела что-то сказать, но Кристина подняла руку.

— Дай закончить. Я редко говорю. Когда говорю — это стоит слушать.

Она прошла по краю грядок, не глядя под ноги — знала, что не споткнётся. Валера подсвечивал дорогу автоматически, даже не думая.

— Я стала королевой вампиров не потому, что мечтала о троне. Я стала, потому что кто-то должен был держать удар. Потому что если не я, то кто? Тома? — Кристина усмехнулась. — Тома бы всё сожгла своей магией через раз. Баюн? Баюн бы всех заторговал сметаной до состояния комы.

— Звучит как план, — тихо сказал Баюн.

— Молчи, — сказала Кристина, но без злости. — Ты гениальный кот. Но богиня из тебя вышла бы так себе. Слишком много шерсти.

Баюн обиженно замолчал.

— Мы не выбираем быть теми, кем становимся, — продолжила Кристина. — Но мы выбираем, остаться или уйти. Ты осталась, Лилит. Когда можно было сбежать, закрыть салон, вернуться в Минск и делать вид, что ничего не было — ты осталась.

— Потому что вы не дали мне сбежать, — тихо сказала Лилит.

— Да, — согласилась Кристина. — Не дали. Потому что мы тоже когда-то остались. И кто-то не дал нам сбежать. Это называется ответственность. Не перед брендом. Перед теми, кто на тебя смотрит.

Она кивнула в сторону лунатиков. Те синхронно замерцали, подтверждая: смотрят, да.

— Ты богиня не потому, что умеешь делать ровный маникюр. Ты богиня не потому, что у тебя не кривые руки. Ты богиня, потому что лунатики ждали свет миллиарды лет — и дождались. Потому что Аид посадил картошку и не бросил. Потому что Тома потратила на твои брови свой фирменный клей. Потому что Валера светит, даже когда устал.

Валера чуть заметно кивнул. Уши его стали теплее.

— Богиня — это не титул, — сказала Кристина. — Это работа. Ты будешь делать маникюр. Ты будешь наращивать ресницы. Ты будешь красить брови. Ты будешь продавать сметану. Ты будешь слушать жалобы. Ты будешь улыбаться, когда хочется плакать. Ты будешь плакать, когда никто не видит. И каждое утро вставать и идти к грядкам. Потому что картошка не ждёт. И лунатики не ждут. И свет не ждёт.

Она замолчала. Тишина стала другой — не напряжённой, а полной. Как будто каждое слово нашло своё место.

— Я справлюсь, — сказала Лилит. Не спросила — сказала.

— Я знаю, — ответила Кристина. — Поэтому ты здесь. Поэтому ты — богиня.

Она повернулась и пошла к салону. Валера — за ней. Свет не погас — просто переместился.

Лунатики снова замерцали.

Тома вздохнула, подошла к Лилит, протянула ей запасную пилочку.

— Держи. Кристина права. Работать придётся много. Но ты не одна.

— Спасибо, — сказала Лилит.

— Не благодари. — Тома улыбнулась. — Я просто делаю свою работу. Брови и ресницы. И иногда — богинь.

Она подхватила метлу и пошла следом.

Аид выкопал ещё один куст картошки, положил клубень в карман Лилит, рядом со светящейся ресницей.

— На удачу, — сказал он. — Картошка не врёт.

— Я заметила.

Лилит осталась одна на камне. Среди грядок, среди пыли, среди розового света, который теперь был её. Она посмотрела на небо — там, далеко, горела Земля. Маленькая, голубая, такая далёкая и такая близкая.

— Ну что, богиня, — сказала она себе. — Работай.
И пошла. К грядкам. К картошке. К сметане. К свету.

Лариса Петровна на Луне.

Портал открылся с тихим, почтительным шелестом — как будто даже пространство знало, кто сейчас выйдет, и решило не рисковать, чтобы не получить штраф за нарушение границ космоса по статье 15.3 КоАП. Из зелёного марева, поправляя на ходу очки на цепочке, шагнула Лариса Петровна.

На ней был скафандр. Не тот, в котором нормальные люди летают в космос, а тот, который она, судя по всему, выудила на распродаже в «Центральном» ещё в прошлом веке — советская модель, с ржавыми пряжками, неработающим клапаном давления и шлемом, который явно помнил лично Гагарина. Поверх скафандра — её фирменная вязаная шаль серого цвета, поверх шлема — тёплый платок. Шаль была повязана поверх платка, а платок — поверх шлема. Это выглядело настолько абсурдно, что даже Валера на секунду замер. Потом вспомнил, что ему положено светить по штатному расписанию, и включился снова, хотя свет его заметно подрагивал — уши явно переваривали увиденное и никак не могли переварить.

— Так, — сказала Лариса Петровна, оглядывая сумеречную зону с таким видом, будто это был её личный склад, который она никому не давала в аренду, а они всё равно залезли и ещё мусорят. Она зорко осмотрела каждый кратер, прикидывая, нельзя ли его выгодно списать как «нецелевое использование площадей» или «убыточное складское помещение с высокой степенью амортизации». — Докладывайте.

Лилит, которая всё ещё стояла на камне в пыли и сметане, с картошкой в одной руке и камнем в другой, открыла рот, но не успела произнести ни звука.

— Вы, — Лариса Петровна ткнула в неё пальцем. Палец был жёстким, как указатель в сторону налоговой инспекции. — Вы — та самая новая богиня?

— Д-да, — ответила Лилит.

— Брови у вас кривые, — констатировала Лариса Петровна. — Тома, почему брови кривые?

Тома, прятая чайник за спину с таким видом, будто это было нелегальное оборудование, выступила вперёд.

— Они не кривые, Лариса Петровна. Они с характером. Эксклюзивный дизайн.

— Эксклюзив — это когда налоговая не находит, что описать, — отрезала Лариса Петровна. — А у меня отчётность, Тома. Я должна заполнить официальную графу «состояние бровей объекта в условиях космоса». И что я там напишу? «Индивидуальный дизайн»? Такое не провести по бюджетной классификации.

— А вы напишите «соответствует стандарту». Я лично проверю. — Тома говорила уверенно, хотя сама в это не верила. — Кристина тоже проверяла. Сказала: жить будет.

Лариса Петровна перевела взгляд на Кристину. Та стояла у входа в салон, скрестив руки на груди. Кивнула.

— Брови ровные. Ресницы держатся. Ногти кривые, но я исправила.

— В отчёте напишите, — отрезала Лариса Петровна. — И приложите фото. Крупным планом. С двух сторон.

Кристина не ответила. Только чуть заметно склонила голову — этого хватило.

Лариса Петровна подошла к грядкам, наклонилась, понюхала картошку. Гриб на голове Аида, не выдержав напряжения, громко чихнул прямо в её сторону. Лариса Петровна даже не вздрогнула. Такие грибы она видела в заводской столовой в день грандиозной проверки санэпидемстанции — и тогда тоже не вздрогнула. Просто написала три акта и выписала штраф.

— Картошка ваша? — спросила она у Аида.

— Моя, — ответил Аид, поправляя гриб. — Сорт «Каратоп». С удобрениями.

— Удобрения сертифицированы?

— Аид, — вмешался Люцифер, который вышел из портала следом, видимо, подвозил начальницу, потому что боялся, что она выпишет штраф на сам Ад и заодно на всех его обитателей, — удобрения из Преисподней. У них там своя сертификация. Очень строгая.

— В нашем налоговом округе, — отрезала Лариса Петровна, даже не повернувшись к Люциферу, — чужая сертификация не действительна. Нужно оформлять через нас. Я сделаю. За отдельную плату.

— Сколько? — спросил Аид.

— Договоримся. — Лариса Петровна наконец повернулась к нему. — Потом. В кабинете. После того, как изучим все документы.

Аид поёжился. Даже подземный бог знал, что значит «после того, как изучим все документы».

Лариса Петровна прошлась по грядкам, заглянула в салон, проверила банки со сметаной. Открыла одну, понюхала, поморщилась так, что у Валеры уши дрогнули.

— Жирность?

— Двадцать пять процентов, — ответил Баюн, выходя из тени с достоинством генерального директора, которого не запугать даже налогом на космическую деятельность. — ГОСТ. Ручная работа. Кот подтверждаю.

— Кот — не сертификат, — Лариса Петровна посмотрела на него поверх очков. — У нас, знаешь, разные были. Некоторые воняли хуже, чем твоя сметана.

— У меня есть печать, — сказал Баюн, не сдаваясь. — Лариса Петровна, ваша личная. Поставили в прошлом году. На коробке «Мечты о даче». Прямо поверх надписи «не кантовать».

Лариса Петровна прищурилась, достала из кармана скафандра лупу и долго, придирчиво изучала этикетку. Чайник в руках Тома издал протяжный, уважительный свист — как будто отдавал честь настоящему профессионалу.

— Печать помню, — признала Лариса Петровна наконец. — Продукт — не помню. Будем переоформлять. С нуля.

— Опять? — вздохнул Баюн.

— Раз в квартал, как положено по регламенту.

Кристина подошла к Ларисе Петровне. Спокойно, без вызова, но с той уверенностью, которая не требует лишних слов.

— Сметана наша. Картошка наша. Свет наш. Луна — теперь наша. Какие будут официальные требования?

Лариса Петровна достала планшет — обычный, минский, с кнопками, который работал даже в космосе потому что боялся её. Открыла ведомость, полистала.

— Первое: налог на прибыль — пятнадцать процентов. Второе: налог на космическую деятельность — ещё десять. Третье: отчисления в фонд занятости лунатиков — по отдельной договорённости.

— Лунатики не работают по найму, — сказала Лилит. — У них нет трудовых книжек.

— Тогда пусть оформят самозанятость, — парировала Лариса Петровна, даже не взглянув на неё. — У них же уши есть? Значит, и налоговый вычет положен. Тома поможет. Она с ресницами быстро, вот и с регистрацией справится.

Тома кивнула, хотя с трудом понимала, при чём тут ресницы и справки. Чайник на всякий случай одобрительно булькнул.

Лариса Петровна обвела всех суровым взглядом. Даже херувимы, которые притихли в углу, перестали пищать.

— Сертификат качества на лунную продукцию я подпишу. Но с условиями. Первое: отчётность ежемесячно, в трех экземплярах, с мокрой печатью. Второе: сметана — только

наша, минская. Никаких заменителей, никакой контрабанды. Третье: налоги — вовремя. Каждое пятнадцатое число. Опоздания не принимаются.

— Всё будет, — сказала Кристина.

— Я с вас глаз не спущу. — Лариса Петровна наставила палец на каждого по очереди. — У меня дочь в Канцелярии работает. Узнаю, что вы тут мухлюете или пытаетесь скрыть доходы — пеняйте на себя. Луна ваша? Налоги не платите? Значит, не ваша.

Она сунула планшет в карман скафандра, поправила шаль поверх шлема, проверила, не отклеился ли платок, и решительно направилась к portalу. У входа остановилась, обернулась к Лилит.

— Богиня, — сказала она. — Брови, кстати, действительно ровные. Тома молодец. Ресницы тоже ничего. Ногти... — она снова посмотрела на Кристину, — ногти подпилили. Жить будет.

— Спасибо, — прошептала Лилит.

— Не за что, — отрезала Лариса Петровна. — Я просто констатирую факт. Для отчётности.

Она шагнула в портал. Зелёное марево сомкнулось за её спиной с тихим, благоговейным шелестом — как будто само пространство вздохнуло с облегчением.

Тишина.

Когда марево окончательно исчезло, чайник в руках Тома издал короткий, уважительный свист. Даже он понял: налоговая — это единственная инстанция в этой вселенной, которая работает при любых обстоятельствах. Даже в вакууме. Даже без атмосферы. Даже на Луне. Особенно на Луне.

— Ну, — сказал Баюн, первым нарушая молчание. — Это было... страшно.

— Это была Лариса Петровна, — ответила Кристина. — Она всегда так работает.

— А налоги? — спросил Аид, который всё это время держал лопату на изготовку.

— Заплатим, — ответила Кристина. — Картошкой. Сметаной. И, если надо, ресницами. У неё дочь в Канцелярии. Пригодятся.

Лилит посмотрела на небо, где только что исчез портал. Потом на свои руки. Потом на грядки, которые теперь официально облагались налогом.

— Она говорила про отчётность, — сказала Лилит. — Я не умею вести отчётность.

— Научишься, — сказала Кристина. — Тома научит. Она у нас и брови, и ресницы, и бухгалтерию. Высшая ведьма — она на всё способна.

— Я не бухгалтер! — возмутилась Тома, прижимая чайник к груди.

— А кто чайник чинит?

— Это... это другое. Это магия!

— Это то же самое, — сказала Кристина. — Порядок. Везде порядок. И в бровях, и в ресницах, и в цифрах. Разберись.

Она развернулась и пошла в салон. Валера, светя ровно и дисциплинированно, как и положено сотруднику охраны, потянулся за ней. Лунатики за окном замерцали — то ли одобряя новую реальность, то ли пытаясь понять, как оформить самозанятость и не прогореть на налогах. Баюн махнул лапой: разберутся.

Лилит осталась на камне. В пыли. В сметане. С картошкой в кармане и ресницей, которая всё так же грела бок.

— Нормально, — сказала она себе. — Работать можно. Даже с налогами.

Она улыбнулась. Криво, но искренне.

Теперь она знала: Богиня Луны — это не только власть над кратерами и розовый свет. Это ещё и идеально оформленная отчётность. И, возможно, это было даже круче, чем клей для ресниц.

Финальный аккорд

Когда портал за Ларисой Петровной закрылся окончательно и зелёное марево рассеялось, в сумеречной зоне наступила тишина. Не давящая — уютная, как в минской квартире, когда соседи сверху наконец перестали сверлить, а батареи только начали греть. Лунатики, всё это время мерцавшие с частотой «тревожная готовность», перешли на ровный, почти убаюкивающий ритм.

— Ну что, — сказал Баюн, прыгивая с алтаря. — Похоже, мы официальные.

— В каком смысле? — спросила Лилит.

— В том, что у нас есть сертификат, налоговая ставка и ежемесячная отчётность. Это называется «бизнес, который нельзя просто так взять и закрыть». Лариса Петровна теперь в курсе. А если она в курсе — мы юридическое лицо.

— Ты как-то странно радуешься, — заметила Тома.

— Я не радуюсь. Я констатирую стабильность. — Баюн почесал лапой за ухом. — По моим прикидкам, мы должны отдавать в бюджет три банки сметаны в квартал. Если считать по жирности.

— Ты умеешь считать банки? — удивилась Лилит.

— Я умею считать всё, что можно съесть. Это моя работа.

Кристина, которая уже собралась уходить, остановилась. Обернулась. Посмотрела на Лилит долгим взглядом — так смотрят на то, что сделали своими руками, пытаюсь понять, вышло или нет.

— Ты как? — спросила она.

— Нормально. Страшно, но нормально.

— Страх пройдёт. Работа останется.

— Это утешение?

— Это правда.

Кристина кивнула Валере. Тот притушил свет — не выключил, конечно, но сделал мягче, камернее, будто в комнате, где все свои.

— Мы улетаем через час, — сказала Кристина. — Ты остаёшься.

— Я знаю.

— Справишься?

Лилит посмотрела на свои руки. На картошку, которую всё ещё держала. На брови, ровные — спасибо, Тома. На ногти, которые Кристина допилила до приемлемого состояния.

— Справлюсь. Знаешь, я поняла: мои кривые руки — не помеха. Это авторский стиль. В этом космосе и так слишком много идеального. А у меня будет живое.

— Правильное понимание бренда, — кивнула Кристина. — Привыкать — не значит уметь. Уметь — значит делать, даже когда привыкнуть не успела.

Аид выпрямился, закидывая лопату на плечо.

— Картошка не врёт. Если выросла — значит, верили. Если нет — значит, не поливали.

— Ты это уже говорил, — напомнила Лилит.

— Я это всегда говорю. Это работает.

Тома подошла к Лилит, вложила в ладонь запасной пинцет и маленький флакон клея.

— Держи. На случай, если ресницы отвалятся. Они отвалятся. Это Луна.

— Спасибо.

— Не благодари. Это не подарок. Это гарантия, что ты не выйдешь на смену с бровями как у лешего. Кристина убьёт. А я люблю жить.

Лилит улыбнулась. Криво, но искренне.

Кристина ушла первой. Валера — следом, светя ровно, дисциплинированно. Аид закинул мешок с остатками картошки на плечо и потянулся за ними. Гриб чихнул на прощание.

Баюн задержался, посмотрел на Лилит своими жёлтыми глазами.

— Ну что, Богиня. Контракт подписан. Печать стоит. Всё по-взрослому. Помни: сметана — это не просто еда. Это ликвидность. Без неё ты просто женщина в фартуке. А с ней — та, кто держит этот космос в тонусе.

Он развернулся и шагнул в портал. Зелёное марево сомкнулось.

Тишина. Настоящая, лунная — которая уже не пугала, а обнимала, как старая кофта, которую не выкидывают, потому что в ней тепло.

Лилит осталась одна. Смотрела на грядки. Розовые кусты тянулись к свету — к тому, который она теперь создавала сама.

Она посмотрела на чайник. Тот тихо гудел, перебирая про себя «Купалінку». Тома оставила его на стойке: «Он тут привык. Будет скучать».

Лилит подошла, взяла чайник, поставила рядом с собой на камень.

— Ну что, — сказала она себе. — Пойдём работать. Отчётность, грядки, ресницы. Всё сразу. По-мински.

Ресница в кармане потеплела. Камень перестал давить — начал пульсировать в такт её дыханию. Сметана на лбу высохла, превратившись в боевую отметину.

Лилит взяла лопату. Её руки были далеки от совершенства, маникюр — кривоват, а в кармане лежала не кредитная карта, а картофелина с фиолетовыми прожилками. Но она была на своём месте.

Потому что картошка не ждёт. Свет не ждёт. И налоги — тем более. Она пошла к грядкам. Богиня. С кривыми руками, светящейся ресницей и чайником, который напевал народную песню. Богиня. И это было главное.

ГЛАВА 5. Испытания Люцифера

Вызов

Люцифер прилетел ровно через три дня после посвящения Лилит. Это был его личный рекорд выдержки — он не появлялся на Луне почти трое суток, что по меркам падшего ангела, привыкшего контролировать даже распад атомов в своей утренней овсянке, граничило с героическим подвигом. Аид в шутку поставил на то, что этот нарцисс не выдержит и четырёх часов, и проиграл мешок отборной картошки, который теперь тоскливо лежал у входа в салон, имитируя жертвенник для гипотетических белок, которых на Луне, конечно же, не было.

На этот раз Люцифер был не один. С ним прилетел Гавриил — архангел с крыльями такой стерильной белизны, что на них было больно смотреть даже через сварочную маску, и нимбом, который пульсировал с частотой полицейской мигалки, раздражая даже базальтовые плиты. Гавриил держался с достоинством человека, привыкшего, что ему все должны, но подозревающего, что за этот внеплановый визит на Луну его лишат годовой премии в небесной канцелярии.

— Я привёл независимого свидетеля, — объявил Люцифер, вышагивая по реголиту в своих неизменных зелёных тапках-крокодилах. Пластмассовые глаза на тапках уже отклеились и смотрели в разные стороны, придавая им сходство с глубоко обиженными жабами. Его шёлковый халат с драконом развивался на лунном ветру. Дракон на спине спал, пуская дымные кольца, которые складывались в нецензурные слова. — Чтобы всё было по протоколу. По лунно-процессуальному кодексу.

— Какому ещё кодексу? — спросила Кристина, выходя из салона с таким видом, будто её оторвали от очень важного дела, а она терпеть этого не могла.

— Космическому! — рявкнул Люцифер, взмахнув рукой так, что Гавриилу пришлось нырять, чтобы не улететь в открытый космос. — Эти боги, — он с отвращением ткнул пальцем в сторону сумеречной зоны, — должны доказать, что они боги, а не просто кучка камней с манией величия.

— Я архангел, — робко напомнил Гавриил, оправляя помятые крылья.

— А у меня кружка с надписью «Лучший падший ангел»! — рявкнул Люцифер, ткнув себя в грудь. — Подарок от самого себя! Это даёт мне право говорить первым. И требовать шоу.

Гавриил открыл рот, чтобы возразить, но под взглядом Люцифера передумал. Архангел сделал шаг назад, потом ещё один. Потом ещё. В итоге он стоял почти у портала, готовый к немедленной эвакуации.

Селена-старшая, Кратер-громогласный и Мерцающая-тихая вышли из сумеречной зоны. Они двигались с ленивой грацией существ, которые не привыкли никуда спешить, потому что время для них было лишь рекомендацией.

— Ты вызывал нас, падший? — пророкотал Кратер. От его голоса у Люцифера на халате дракон проснулся и испуганно выключил трансляцию.

— Вызывал! — Люцифер картинно поправил пояс. — Устроим аттестацию на профпригодность. Первое испытание: пусть ваши лунатики споют хором.

Лунатики за окном замерцали с частотой «паническая атака». Мерцательный Хвост выдал серию сигналов, которую Баюн перевёл: «У нас нет ртов. Петь — как пытаться сыграть симфонию на дверной петле».

— Это не аргумент! — взвизгнул Люцифер. — В космосе звук распространяется, если ты достаточно сильно в это веришь!

— Скажи это физикам, — заметила Тома.

— Я с ними в ссоре после того случая с гравитацией!

Селена-старшая щёлкнула пальцами. Лунатики, повинувшись воле богини, набрали в себя побольше космического вакуума. Из кратера вырвался звук, напоминающий смесь китового воя, скрипа мела по доске и разрыва школьной тетради. Гавриил начал непроизвольно креститься. Чайник в руках Тома перегрелся и выбросил струю пара в виде маленьких, испуганных букв «Ку-па-лн-ка».

— Это не пение! — заорал Люцифер, затыкая уши тапками. — Это экологическая катастрофа! Это повод вызвать санитарную инспекцию!

— Это лунный джаз, — ледяным тоном парировал Кратер. — Вы, земные, просто зашорены.

— Второе испытание! — Кристина решила прервать эту пытку. — Давай дальше.

Люцифер кивнул.

— Пусть создадут что-то из ничего. Творите, боги.

Кратер поднял руку. Из лунной пыли начал формироваться огромный, пульсирующий кристалл, похожий на сахарную голову, которую перекормили витаминами.

— Красиво, но не засчитываю! — отрезал Люцифер. — Это из пыли. А пыль — материя. Вы не создали ничего из ничего, вы просто переплавили то, что было!

— А как надо? — спросила Селена-старшая с опасным спокойствием.

— Вот так!

Люцифер щёлкнул пальцами. Ничего не произошло. Он щёлкнул ещё раз — с такой силой, что по пальцу ударило током. Результат остался нулевым.

— Люцифер, — спросила Тома, — ты сейчас пытаешься сотворить чудо или просто чешешься?

— Я творю «ничего»! — выпалил он. — И у меня получается! А у вас — нет. Значит, второй тур за мной!

Чайник в руках Тома выдал трель, которая в переводе с чайникового означала: «Ты идиот, но идиот убедительный».

— Ладно! — Люцифер вспотел, что для падшего ангела было верным признаком приближающейся истерики. — Третье испытание! Боги должны сделать так, чтобы я их зауважал.

Селена-старшая посмотрела на него так, будто он был бракованным экземпляром картофеля, который не годится даже на чипсы.

— Люцифер, мы хранили этот свет миллиарды лет, пока ты в Аду варил гудрон и жаловался на скидки в кафе. Мы ждали Лилит, когда ты ещё не определился с выбором обуви. И она пришла. Она здесь. Она копает картошку, пока ты пытаешься самоутвердиться за счёт чайника.

Люцифер замер. Дракон на халате, почувствовав, что хозяин проглотил порцию унижительной правды, затих и сделал вид, что спит.

— Она всегда так говорит? — шёпотом спросил Люцифер у Кристины.

— Она говорит правду, — ответила Кристина. — А она у нас дефицитная.

Люцифер постоял, пнул ногой мешок картошки Аида (мешок обиженно всхлипнул), поправил тапок и вдруг сник.

— Ладно. Считаю вас богами. Причём высококачественными. Мне лень придумывать четвёртое испытание.

— Какое четвёртое? — спросила Тома. — Их было три.

— Будет четвёртое. Если вы меня не разозлите. А вы пока не разозлили.

Он развернулся и пошёл к порталу, на ходу крикнув:

— Гавриил, пиши в отчёте: аттестация пройдена, претензий к качеству лунной магии не имею. Жаловаться буду на картошку!

Гавриил посмотрел на Кристину, потом на картофельное поле.

— У вас тут... как это... — он запнулся, подбирая слова, — жизнь или безумный сон?

— И то и другое, — ответила Кристина.

— Я так и думал, — вздохнул Гавриил и нырнул в портал.

Тишина.

— Ну, — сказал Баюн, вытирая пот со лба, — кто ставил на то, что он сожжёт кратер?

— Я, — поднял руку Аид. — Но я готов простить ему этот проигрыш, если он уберёт свои крокодилы с моей грядки.

Лилит подняла голову от лопаты. Она всё это время делала вид, что не слушает, но на самом деле не пропустила ни слова.

— Богиня? — спросила она у Кристины.

— Богиня, — подтвердила та. — Но завтра с утра — отчётность. Люцифер — цветочки. Ты ещё не видела, что потребует Лариса Петровна за квартал.

Лилит поправила фартук, вытерла пыль со щеки, оставив на лице грязную полосу, и снова взялась за лопату.

Богиня. С официальным статусом, подтверждённым самим Люцифером в домашних тапках. Это было странно. Но по-своему круто.

Люцифер сажает картошку

Люцифер не улетел. Это было первым признаком того, что день обещает быть не просто долгим, а катастрофически утомительным. Вместо того чтобы шагнуть в портал вслед за Гавриилом, он отступил, с хрустом поправил тапки-крокодилы и устоял на грядки с таким выражением лица, будто перед ним разложили квартальный отчёт, составленный на мёртвом языке, и подписанный лично Ларисой Петровной. Дракон на его спине окончательно проснулся, забеспокоился и начал лениво плевать искрами, которые складывались в бегущую строку: «СКИДКИ НА АДСКИЕ ВЫХОДНЫЕ. БРОНИРУЙ КОТЛЫ ЗАРАНЕЕ».

— Ты чего застрял? — спросила Кристина, опираясь на лопату. Её глаза светились холодным фиолетовым — верный признак того, что терпение закончилось ещё на прошлой неделе. — У нас тут не зал ожидания.

— Думаю, — отрезал Люцифер, не отрывая взгляда от земли.

— О чём?

— Об активах. О капитализации ресурсов. О картошке. Мать её.

Тома поперхнулась. Чайник в её руках издал звук, похожий на сдавленный кашель, как будто внутри него закипел не чай, а сама ярость.

— Ты? Об инвестициях в картофель? — Тома подошла ближе, едва не ткнув Люцифера носиком чайника в дракона. — Ты же считаешь, что всё, что не горит в аду, — это брак.

— А что в этом странного?! — Люцифер взвизгнул так, что на Луне на секунду пропала гравитация. — Я учредитель! Я должен знать, куда уходят мои кровные световые единицы! Мои инвестиции лежат вон там!

Он ткнул пальцем в сторону грядки, где Лилит, перепачканная лунной пылью и засохшей сметаной, копала лунки с упорством шахтёра, который знает, что если остановится — его засыплет. Аид, наблюдавший за этим балаганом, просто перестал дышать. Боги так делают, когда не хотят, чтобы их заметили в неадекватных компаниях.

— Хочешь приобщиться? — Аид протянул Люциферу лопату. — Посади сам. Почувствуй почву.

Люцифер посмотрел на лопату, потом на свои пальцы с идеальным маникюром. Маникюр стоил дороже, чем всё производство картошки на этой планете.

— У тебя есть лопата с кожаной оплёткой? — брезгливо спросил он. — Или, может, с подогревом черенка? Эта выглядит так, будто ею похоронили всех грешников эпохи Возрождения.

— Эта лопата — мать всех лопат, — отрезал Аид. — Бери, или я закопаю тебя в её же лунку.

Люцифер вздохнул так, что из его ноздрей вылетели два облачка серного пара. Он взял инструмент, как будто это была радиоактивная крыса. Воткнул в грунт. Реголит под ним вдруг решил, что он не земля, а зыбучий песок, и лопата ушла в него по самую рукоять, утянув за собой Люцифера. Тот взмахнул крыльями, едва не сбив нимб, который Гавриил забыл на камне, и с глухим «плюх» провалился в лунную пыль по пояс.

— Оно живое! — закричал он, пытаясь выбраться. — Оно пытается меня переварить!

— Оно просто рыхлое, — спокойно заметила Кристина. — Выгребай, бизнесмен.

Люцифер, весь в серой пыли, выдрал лопату. На её лезвии висел клубень — чёрный, пульсирующий, с фиолетовыми прожилками, которые медленно сжимались и разжимались, как мышцы.

— Она... тёплая, — прошептал он, забыв про пафос. — Она пульсирует. У неё что, есть пульс?

— В этой сметане столько жирности, что картошка обрела зачатки сознания, — пояснил Баюн, делая пометку в блокноте: «Актив №1 проявляет признаки невроза».

— Если я это посажу, она будет приносить прибыль? — спросил Люцифер, глядя на клубень как на криптовалюту с сомнительным будущим.

— Если будешь верить, — сказал Аид. — Если нет — она просто съест твой халат.

Люцифер опустил на корточки. Тапки-крокодилы жалобно пискнули. Он положил клубень в лунку, засыпал землёй и, повинувшись какому-то инстинкту, который он в себе подавлял миллиарды лет, примял землю ладонями. От его рук поползло слабое, ядовито-красное свечение.

— Поливай, — приказал Аид.

Люцифер взял последнюю банку сметаны. Рука дрожала. Он вылил густую массу прямо на лунку. Сметана шипела, как кислота, пожирающая нечистоты. Ростков не было.

— Ну?! — Люцифер ударил ладонью по земле. — Где мой урожай?! Я инвестировал! Я полил это элитным продуктом! Где прибыль?

— Ты ждёшь чуда, — сказала Лилит, выпрямляясь и вытирая лоб. — А надо ждать жизни. Ты веришь в прибыль, а надо — в то, что эта чёртова штука вообще хочет жить.

Люцифер посмотрел на Лилит. Его глаза — то ли от злости, то ли от странного, запретного понимания — на мгновение стали абсолютно чёрными.

— Ни во что я не верю, — прошептал он. — Кроме того, что ты сейчас выглядишь как богиня, которая вот-вот меня уволит.

Аид выкопал клубень. Он был прежним — тёплым, пульсирующим, но без ростков.

— Забери, — сказал Аид, протягивая его Люциферу. — Это твой личный провал. Храни его, чтобы не забыть: не всё в этой вселенной продаётся за проценты.

Люцифер взял картофелину. Спрятал в карман халата, туда, где лежала кружка и запасная пачка «Момент-Космос».

— Я понял, — сказал он.

— Что именно? — Кристина шагнула к нему.

— Что это — самая убыточная и бессмысленная вещь, которую я когда-либо делал. — Он оглядел грядки, Лилит, Аиду, Кристину. — Здесь можно врать, воровать и разрушать, но картошка всё равно будет расти вопреки всему. Это... это невероятно тупо. Мне нравится.

Он развернулся и зашагал к portalу походкой человека, который только что осознал, что строил свою империю на неправильных принципах.

— Лилит! — рявкнул он у самого портала, не оборачиваясь.

— Да?

— Брови у тебя всё ещё подозрительно ровные. Ресницы держатся. Ногти... — он покопался на Кристину, — ногти подпили. Работай.

Он шагнул в портал. Дракон на его спине напоследок выпустил облачко дыма в форме среднего пальца. Портал схлопнулся с таким звуком, будто в преисподней только что открыли бутылку очень дорогого шампанского и забыли закрыть.

Лилит осталась стоять в центре поля. Вокруг было тихо. Картофель потихоньку шевелился — верный признак того, что жизнь продолжается, даже когда её пытаются убить бюрократией и плохим настроением.

— Ну что, богиня, — Лилит взяла лопату и воткнула её в землю так, что загудел реголит. — Будем делать вид, что мы работаем по бизнес-плану.

Она начала копать. Засохшая сметана на её лбу блестела в розовом свете Валеры, как корона самой странной богини в истории Солнечной системы. В кармане фартука светящаяся ресница пульсировала в такт ударам лопаты.

Работа только начиналась.

Примирение

Портал за Люцифером схлопнулся с таким звуком, будто в пустоту втянули гигантский влажный носок. В сумеречной зоне наступила тишина — густая, вибрирующая, с привкусом озона и лёгким ароматом подгоревшей надежды. Лунатики, которые всё это время мерцали в режиме «SOS по Морзе», наконец перешли на спокойный, ровный ритм, напоминающий пульс уставшего, но довольного процессора.

— Ну что, — Баюн демонстративно захлопнул блокнот. — Похоже, мы прошли через ад, не сходя с грядки. Юридически мы теперь — филиал «Опух-Луна».

— В каком смысле? — Лилит прислонилась к лопате.

— В прямом. У нас есть сертификат, налоговая ставка и ежемесячная отчётность. Это называется «бизнес, который нельзя закрыть, даже если ты бог». Лариса Петровна теперь наш главный куратор. А если она в курсе — мы не просто «тут собрались», мы — субъект права.

— Баюн, ты сейчас звучишь как мой кошмар из бухгалтерского отдела, — заметила Тома, сдувая с чайника пылицу. Чайник в ответ издал звук, похожий на нервный тик.

— Я не кошмар. Я — финансовый директор этого хаоса, — отрезал кот. — Кстати, счёт в банке открыт. Проценты капают. Сметаной.

— Ты открыл счёт в банке, который находится... где? — Лилит даже присела на камень.

— В складках реальности, за углом от налоговой, — Баюн прищурился. — Кот никогда не шутит про проценты.

Аид выкопал очередной куст. Под ним висело пять крупных клубней — чёрных, с фиолетовыми прожилками, которые светились в темноте, как приборная панель звездолёта.

— Картошка не врёт, — сказал он, протягивая Лилит один клубень. — Если выросла — значит, всё правильно. Даже если Люцифер истерил. Картошка честная. Она не говорит, что всё хорошо, когда в бюджете дыра. Это люди придумали отчётность.

Кристина подошла к Лилит, взяла её руку, осмотрела ногти.

— Криво, — вынесла вердикт. — Но жить будет. В следующий раз, когда прилетишь в Минск, заходи. С отчётом. С картошкой. С банкой сметаны для Ларисы Петровны.

— Она снова наденет скафандр поверх шали? — спросила Лилит.

— Она в нём спит. Это часть её имиджа.

Валера притушил свет. Уши стали мягкого, персикового цвета — спокойствие и выполненный план. Он был доволен не тем, что всё закончилось, а тем, что механизм под названием «филиал Опух» наконец-то заработал без скрипа.

— Лилит, — сказал он.

— Да?

— Не выключай свет.

— Я не выключаю. У меня нет тумблера.

— Он есть. Я. — Валера сделал шаг назад. — Пока я свечу — ты богиня.

Лилит улыбнулась. Улыбка вышла кривой, с полосой сметаны на щеке, но в ней было столько уверенности, что даже лунатики на секунду замерли.

— Ну что, команда? — Тома закинула метлу на плечо. Чайник на другом плече победно загудел. — Полетели?

— Полетели, — кивнула Кристина. — Аид, ты уверен? Картошка — это важно, но налоги могут потребовать присутствия всех.

— Я останусь, — Аид воткнул лопату в землю. — Тут почва нуждается в присмотре. А налоги... пришлют повестку в кратер.

Кристина, Тома, Валера и Баюн направились к порталу. У входа Кристина остановилась. Не обернулась — просто замерла.

— Ты теперь не просто богиня, Лилит, — сказала она. — Ты — филиал. Со всеми вытекающими. Качество — броня. Ответственность — оружие. Не подведи.

— Постараюсь.

— Не старайся. Делай.

Она шагнула в портал. Валера — за ней, светя ровно. Тома, пританцовывая с метлой, скрылась следом. Баюн на прощание махнул лапой с такой важностью, будто сдал годовой баланс за всю Луну.

Портал сомкнулся.

Лилит осталась одна. Перед ней — грядки. Над ней — небо, которое нужно осветить. Внутри — осознание, что это всё — её жизнь.

— Ну что, богиня, — сказала она себе, поправляя фартук. — Отчётность, грядки, ногти. Всё сразу. По-мински.

Она взяла лопату. Воткнула в землю. И начала копать.

Картошка не ждала. Свет не ждал. Налоги — тем более.

А она — богиня. С кривыми руками, светящейся ресницей и чайником, который Тома забыла на стойке. Чайник тихо гудел, согревая воздух, и, кажется, ждал следующую смену.

Богиня. И это было главное.

ГЛАВА 6. Картофельный бум Розовый урожай

Картошка росла с такой неприличной скоростью, что лунатики перестали уходить в спячку. Они круглосуточно дежурили у грядок, фиксируя каждый миллиметр роста, и Мерцательный Хвост уже дважды пытался составить график дежурств. Оба раза попытки провалились: выстроить лунатиков в очередь оказалось невозможно — они просто сливались в одну светящуюся, недоумевающую лужу.

Через неделю после визита Люцифера розовые кусты вымахали по пояс. Ещё через три дня — по грудь. А через пять они начали методично захватывать территорию, пробивая корнями стены храма, как заправские домовники.

— Это проблема, — констатировал Аид, стоя по колено в ботве и пытаясь нащупать лопату, которая завалилась розовым листом так плотно, что казалось, будто она ушла в параллельное измерение.

— Это инвестиционный портфель! — поправил Баюн, сидя на камне с блокнотом. — Урожай — это ликвидность. Ликвидность — это налоги. Налоги — это стабильность. Главное — не паниковать.

Лилит выглядела так, будто только что выиграла войну, но проиграла битву за личное пространство. Сметана, лунная пыль, клочья розовой ботвы — всё это превратило её в нечто среднее между аграрием-ударником и участницей очень странного косплей-фестиваля.

— Аид, — выдохнула она, выуживая из волос розовый листок, который почему-то тихо пищал. — Как мы это будем собирать? Тут же джунгли!

— Руками, — ответил Аид, наконец выудив лопату. — Копытами, щупальцами, силой мысли. Лунатики, в атаку!

Лунатики радостно замерцали и начали с удвоенной энергией втыкаться в кусты. У них не было рук, поэтому они выглядели как кучка светящихся пылесосов, которые пытаются обнять картошку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.